

КАТРИН М. ВАЛЕНТЕ

ДЕВОЧКА,
КОТОРАЯ ВОСПАРИЛА НАД
ВОЛШЕБНОЙ СТРАНОЙ
И РАЗДВОИЛА ЛУНУ

Продолжение серии —
бестселлера The New York Times

Волшебная Страна

Кэтрин Валенте

**Девочка, которая воспарила
над Волшебной Страной
и раздвоила Луну**

«АСТ»

2013

УДК 821.111-312.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

Валенте К. М.

Девочка, которая воспарила над Волшебной Страной
и раздвоила Луну / К. М. Валенте — «АСТ»,
2013 — (Волшебная Страна)

Читайте новую книгу о приключениях юной Сентябрь! Сентябрь скучает по Волшебной Стране и своим друзьям – виверну Аэлу и мальчику Субботе. Ей не терпится оставить домашнюю рутину и броситься навстречу новым приключениям. Но она даже не подозревает, что вскоре ей предстоит воспарить над Луной, воссоединиться со своими друзьями и спасти Волшебную Страну от таинственного лунного йети!..

УДК 821.111-312.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Валенте К. М., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

Действующие лица	6
Глава I	7
Глава II	14
Глава III	21
Глава IV	28
Глава V	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Кэтрин М. Валенте

Девочка, которая воспарила над Волшебной Страной и раздвоила Луну

*Всем, кто берет за руку незнакомца яркой окраски и раз в год
возвращается в Волшебную Страну,
и каждому, кто когда-нибудь думал, что слишком молод или
слишком стар.*

Catherynne M. Valente

THE GIRL WHO SOARED OVER FAIRYLAND AND CUT THE MOON
IN TWO

Text copyright © 2013 by Catherynne M. Valente.

Illustrations copyright © 2013 by Ana Juan.

© В. Беленкович, перевод на русский язык, 2016

© Е. Канищева, перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Действующие лица

Сентябрь, девочка
Ее родители
Арустук – автомобиль марки «Форд», модель А, 1925
Бумер, Линейщица
Беатрис, английский грейхаунд
Синий Ветер
Боб, тупик
Калькулятрикс, странный крокодил
Несколько не заслуживающих доверия ветров
Балласт Донизу – клабаутерман, корабельный дух
Луна
Черный Космический Пес
Марш, черный шакал
Стой, белый шакал
Нечестивая Свобода Медной Линьки III, омар
Спица, таксикраб
Альманах, очень большой моллюск
Алфавитарий, парик
От-А-до-Л, виверн
Сайдерскин, йети
Суббота, марид
Валентинка и Пентаметр, два акробата
Канделябра, бурак
Чернобровка, ламия
Тамаринд, ламия
Некая Леопарда
Тюринг, тюгерротип
Сен, дитя
Ее родители
Еррата, виверн
Чудотворная Жемчужина
Некая фея

Глава I

Незримый покров всего, что минуло в которой девочка по имени Сентябрь несколько раз говорит неправду, копит деньги, отмечает свое четырнадцатилетие, начинает носить брюки и совершает увеселительную прогулку

Жила-была девочка по имени Сентябрь, которой часто приходилось лгать.

Все бы ничего, но проблема в том, что ложь предпочитает хорошую компанию. Стоит солгать один раз, как эта первая ложь тут же воодушевляется и срочно приглашает в гости всех друзей. Очень скоро тебе приходится подыскивать место для все новых и новых обманов, использовать для этого каждый уголок, расставлять раскладушки, зажигать лампы, чтобы создать уют, кормить их, убирать за ними и даже приукрашивать, когда они становятся не слишком убедительными. Особенно если ты начинаешь, как Сентябрь, с какой-нибудь особенно крупной лжи. Большая, солидная, упитанная ложь так тяжела, что даже стоять сама не может. Ей нужны враки поменьше, побыстрее да похитрее, чтобы на них опираться.

Сентябрь ужасно огорчилась бы, услышав, как мы называем ее лгуньей, но невозможно отрицать, что в последнее время они с честностью не очень ладили.

Ложь бывает самых разных видов. Хоть магазин открывай. Вранье – это товар широкого потребления, будьте уверены. Конечно, мало кто даст хорошую цену за простые выдумки, какие можно и самому состряпать дома совершенно бесплатно. Однако, если вы заглянете поглубже в магазин своего сердца, то убедитесь, что его кладовые полны. На пол-

ках аккуратно сложены увертки для сокрытия подлых делишек. В холодильном отделении развешаны сказки, рассказанные так давно, что с тех пор они превратились в чистую правду и попали в учебники истории. Ложь для самолюбования громоздится на специальном красочном стенде. А в оконных витринах красуются маленькие беззлобные обманы, к которым прибегают, чтобы пощадить чьи-то чувства, сохранить лицо или уберечь друга от беды. Они разложены так мило, что никто и не подумает вас за них винить.

* * *

Конечно, ничего совсем безвредного на свете не бывает. Иной раз простая правда может оглушить этот мир не слабей, чем любая ложь. И все же будьте поосторожней в этой лавочке, где торгуют ложью. Она всегда просится наружу.

Первая ложь Сентябрь была простенькой и такой крошечной, что, не будь вы так внимательны, как мы, вы бы ее и не заметили. Эта ложь родилась одним ненастным днем, под звуки дождя и шквального ветра. В такой день в самый раз ненароком свернуть с пути праведного. В небе над прериями Небраски с грохотом перекатывались длинные пепельно-дымчатые облака. Гроза обрушилась серебряными лентами на иссохшую землю, превратив ее в густую кашу. Сентябрь сидела дома у окна, глядя, как капли дождя с шумом шлепаются в лужи грязи, каждая размером с рыбный садок. Зловещие всполохи озаряли покрытое тучами небо. Знакомые поля выглядели нездешними.

* * *

На коленях Сентябрь держала раскрытую книгу, но никак не могла сосредоточиться на чтении. Чай в чашке давно остыл. Желтые и розовые цветы на ручке чашки вытерлись почти добела. Рядом с ней по полу каталась маленькая ласковая собачка, надеясь, что ей почешут брюшко. Сентябрь этого не замечала, чем глубоко обижала собачку. Мама читала газету у очага. Отец дремал, укрыв клетчатым пледом свою бедную израненную ногу, которая все не заживала, сколько они ни ездили в город к докторам. В небе громыхнуло, и дождь припустил сильнее. Мама Сентябрь оторвалась от очень интересной статьи о новой современной дороге, которая может пройти совсем близко от их дома, и взглянула на дочь.

– О чем это ты так задумалась, малышка? Ты как будто где-то далеко.

А Сентябрь возьми да и ответь:

– Да так, ни о чем. – И это была полная, совершенная, абсолютная неправда.

Сентябрь думала о Волшебной Стране.

Конечно, вы можете сказать, что Сентябрь и раньше все время лгала, потому что она, разумеется, не рассказывала родителям о чудесной стране, в которой побывала уже дважды. Взрослые, которым непременно подавай точность формулировок, назвали бы такую ложь недомолвкой. Но давайте будем снисходительны к Сентябрь за то, что она не упоминала о своих приключениях за семейным столом. Как, по-вашему, она могла бы все это объяснить?

Мам, пап, вам, возможно, будет интересно узнать, что я летала в страну ведьм, вивернов и спригганов, билась с тамошней правительницей, коварной Маркизой, и победила в этой схватке – передайте, пожалуйста, свеклу. Представляете себе этот разговор? Пап, мам, это еще не все, я снова туда вернулась! Понимаете, моя тень мутила там воду, так что пришлось мне спуститься в волшебное подземелье и опять навести там порядок. Мне помыть посуду после ужина?

Нет уж, лучше оставить все как есть. Спрятать глубоко внутри – вот где самое место этим воспоминаниям. Там, где никто до них не дотянется и не испортит своим любопытством. Случались дни, когда Сентябрь бывало страшно или одиноко, особенно когда папа

так мучился болью, что не подпускал к себе домашних, потому что их дыхание, глотание и даже движение мысли терзали его слух. В такие дни она доставала свои воспоминания и набрасывала их на себя как накидку, украшенную невиданными самоцветами.

Бедная Сентябрь! У каждого есть свой плащ-невидимка, сотканный из всего, что минуло. Что-то из минувшего мерцает в глубине, что-то всплывает на поверхность, а что-то пронзает грудь до самого сердца и даже глубже.

* * *

Слышали бы вы, как первая ложь трубит в трубы, сзывая всех своих братьев и сестер!

Она звала – и они пришли. Что было делать Сентябрь, когда учительница попросила написать сочинение о том, как она провела летние каникулы? *Пять абзацев про то, как я вернула отцовскую тень домой из Волшебной Страны, куда моя собственная тень затащила ее с войны, из Франции, и как я весь обратный путь несла его тень на себе, чтобы она снова соединилась с телом? Нет уж, спасибо.* Как и все остальные, она написала милое сочинение о необычно жарком августе, о том, как помогала собирать урожай, как училась плести кружева и ремонтировать тормоза на «фордике» мистера Альберта, модель А.

Да, миссис Франк, это все, что было. Ничего мало-мальски интересного.

Или когда учительница физкультуры миссис Байсик заметила, как быстро Сентябрь стала бегать, – могла ли она поддержать разговор, объявив: «Я неплохо потренировалась в стаде диких парноколесных, и еще когда убегала от разных неприятных чудовищ». Абсолютно исключено! Все было списано на то, что она помогала отцу заново учиться ходить. Они и правда накрутили немало кругов по окрестностям, чтобы он окреп. А хуже всего, когда учитель истории мистер Скрайвер спрашивал, не знает ли кто историю Персефоны. Сентябрь приходилось прикусывать язык, чтобы не закричать: «Я попала в Волшебную Страну по визе Персефоны и отведала там волшебной еды, так что теперь мне полагается возвращаться туда каждый год, когда меняются времена года». Она промолчала, и ответ, к тому же неправильный, дала одна из тех девчонок, чьи отцы носили котелки и работали в банке.

Дети, которых Сентябрь знала с первого класса, повзрослели. Подросткие девочки носились по коридорам и взволнованно обсуждали своих мальчиков, как мы с вами обсуждали бы чудесных летающих драконов. Они делились тайными рецептами: как сделать, чтобы золотистые волосы оставались идеально золотистыми, а кожа сохраняла оттенок слоновой кости. У некоторых мальчиков пробивались кустики усов или бороды, чем они весьма гордились. Сентябрь не посвящала в тайны золотистых волос и кожи цвета слоновой кости, поскольку она не обладала ни тем, ни другим. Однако Сентябрь тоже вытянулась. Скоро она уже станет третьей или четвертой по росту в своем классе. Лицо ее постепенно приобретало взрослые черты. Она сама этого не замечала, потому что этого никто не замечает, пока не изменится полностью, а тогда уж никто не помнит, что раньше был другим.

И поверх всего этого щебета тринадцатилетних подростков, которым скоро исполнится четырнадцать, плыл великий и ужасный слух о том, что война скоро кончится. И все станет как раньше.

* * *

Весна таяла над фермами вокруг Омахи, как масло на сковородке. Стояли прозрачные зеленые деньки, полные чистых белых облаков. Целыми днями и даже ночью во сне Сентябрь то и дело невольно улыбалась. Ожидание возвращения в Волшебную Страну было сродни ожиданию ягод на кустах малины. Сегодня тебе кажется, что все еще неживое и неизвестно когда оживет, а завтра ты уже утопаешь в ягодах. Рано или поздно плоды появятся.

Так Сентябрь твердила самой себе. Конечно, юному сердцу нелегко обрести такие навыки, как вера и терпение. Нашей девочке было бы куда проще научиться делать сальто с трапеции, чем поверить, что изменчивый и коварный мир склонен делать все так, как ему заблагорассудится, по своему собственному прихотливому расписанию, а не так, как хотели бы пылкие юноши и девушки. Она наблюдала, как с грохотом, подобно яркому умытому поезду, мимо пронесется апрель. А тут и май врывается следом, теплый, веселый, с кружащими в небе громкоголосыми птицами.

Наступил четырнадцатый день рождения Сентябрь. Папа чувствовал себя вполне сносно для того, чтобы самому подарить ей подарок. Подарок этот был до того прекрасен, что сразу сделался ужасным, и оказался до того ужасен, что поспешил снова стать прекрасным. Сентябрь так разволновалась, что попеременно то леденела, то пылала жаром, как печь, а то покрывалась мурашками.

Ей предстояло учиться водить машину.

С утра в день ее рождения скрипучий разбитый «фордик» мистера Альберта, модель А, дожидался перед домом Сентябрь, как старая лошадь, готовая к новым скачкам. На ветру трепетала маленькая оранжевая ленточка, привязанная к мешковине, что прикрывала запасное колесо. На мешке красовалась надпись: «Картофельная компания Арустук». Модель А не могла похвастать ни красотой, ни молодостью, ни скоростью, но умела совершенно невероятно рычать. К этому дню Сентябрь под маминым руководством перебрала руками почти что каждую деталь двигателя. Теперь эти же руки дрожали в предвкушении, вспоминая клапаны и поршни. Она знала, что с уговорами и понуканиями этот постаревший зверь тронется по дороге, ведущей в город, хотя в пути порычит из рядно.

Теперь он принадлежит ей.

По крайней мере, до вечера.

В тот миг, когда модель А оказалась в ее власти, Сентябрь увидела автомобиль совсем другими глазами. Теперь это была не надоевшая развалюха, которую надо успеть починить до ужина, а великолепное чудовище, головоломка из множества деталей, пропахших бензином. Она прикоснулась к потрепанной решетке охлаждения на капоте машины – краска отчаянно пыталась преодолеть пятнадцать зим в Небраске, но силы оказались неравны. Когда-то это был чистый темно-зеленый, настоящий цвет для зимы. Теперь же полосы обнажившегося металла и пятна ржавчины больше напоминали звериную шкуру. Пегие передние колеса огибали черные крылья, на которых крепились почти полностью сдутая запаска и большие пучеглазые фары. Хромированный бампер не натирала до блеска с тех самых пор, как мистер Альберт разбил его о ствол березы, а было это через месяц после покупки машины. Треснувшее ветровое стекло искрилось под ярким солнцем. Имелся еще брезентовый верх, который можно было натянуть над головой, но этот день излучал такое тепло и покой, что Сентябрь сразу решила: тент не понадобится. Пусть, пока она крутит баранку, спутанные волосы развеваются на ветру, а кожа покрывается бронзовым шоферским загаром!

– Здорово! – прошептала Сентябрь модели А, как шепчут старой заезженной лошади, что воротит морду – мол, вот еще глупости – от предложенного яблока. – Не бойся, я изо всех сил буду стараться не разбить тебя и ничего тебе не повредить. Конечно, обещать не могу, но я обычно очень осторожна и аккуратна, когда вожусь со страшными механизмами.

Папа осторожно опустил на пассажирское сиденье, раскрасневшись от усилия, солнечного света и всей деньрожденной суматохи. Он подтянул ремешки старых мотоциклетных очков мистера Альберта на голове у Сентябрь, а запасную пару очков водрузил на свой большой симпатичный нос. Сентябрь едва дышала. Внутри нее все волновалось и клочкотало так, будто машина уже мчалась по дороге.

Дело в том, что модель А заводится и останавливается совсем не так, как те машины, с какими нам с вами доводилось иметь дело. В ней немало рычажков, клапанов и переключа-

телей, так что управление ею похоже то на театр марионеток, то на укрощение львов, то на танцы. Мама еще раньше показала и разъяснила Сентябрь причудливые особенности этого ржавого зверя с двигателем вместо сердца.

– Теперь слушай, – начала она четко и решительно, голосом, полным веры в дочь. – Существуют важные правила управления автомобилем, нарушать которые не позволено никому, даже твоей матери.

– Расскажи мне правила, – ответила Сентябрь с загадочной улыбочкой, непонятной маме.

– Некоторые из них очень просты: на зеленый едешь, на красный останавливаешься. Не забывай смотреть в зеркала, они здесь не просто так. Перед поворотом посмотри в обе стороны. Притормаживай перед тем, как повернуть, и ускоряйся на выходе из поворота. Но большая часть правил существует для того, чтобы не угробить машину, когда пытаешься ее завести. Завести что-то всегда трудно. А главное – для этого надо сперва поставить машину на тормоз. Звучит нелогично, но это очень важно. Открой клапан газа и толкай вверх манетку зажигания – вон она, моя радость, слева от тебя – до самого упора. Горение, вот что заставляет машину двигаться, любовь моя, горение и горючее. Теперь потяни рычаг дросселя – он справа, малышка, – чуточку вниз. Представь себе часы, у которых вместо часовой стрелки – рычаг дросселя. Переведи рычаг на четыре часа. Обрати внимание, что, когда он показывает на четыре часа, педаль акселератора сама опускается до самого низа. Так ты поймешь, что все сделала правильно. А теперь надо повернуть ручку карбюратора – вон ту, блестящую – на один полный оборот – открыто, затем еще один полный оборот – закрыто. Переведи рычаг скоростей в нейтраль, это означает – ни вперед, ни назад, ни быстро, ни медленно, и всегда начинай с этого. Прежде чем открыть – закрой. Прежде чем начнешь движение, тормози. Ну, и, наконец, поверни ключ в положение «СТАРТ», но пока еще ничего не стартует, что бы ни думал ключ! Потяни рычаг карбюратора обратно и нажми кнопку на полу – это стартер. Подожди, пока двигатель провернется – звук такой, будто он прокашливается и скоро начнет призывать бурю, – а теперь отпусти рычажок.

Сентябрь подумала, что рычаги и кнопки будут перемещаться мягко, с приятными звуками и щелчками. Как только понял, что делать, взять и сделать – не проблема! На самом деле все оказалось не так. Понадобилась вся ее сила, чтобы вытащить рычаг дросселя куда следовало. Этак и запястье можно вывихнуть, пока не переведешь рычаг скоростей в нейтраль. Модель А, пробуждаясь, плевалась, хрипела и содрогалась, но не все это одновременно. Сначала Сентябрь дала слишком много газа; затем недостаточно быстро нажала на стартер после того, как выдернула обратно рычаг карбюратора двумя руками, причем плечам тоже пришлось серьезно поработать. Неудивительно, что мистер Альберт врезался в березу.

Папа положил свою теплую смуглую руку поверх рук Сентябрь и помог слегка опустить манетку зажигания. Были и другие странные слова – крыло, например, или сдвиг, – как будто машина была живая, только приболевшая.

Не будь Сентябрь так взволнована хриплым рычанием модели А, она заметила бы, насколько выросла за последнее время. Теперь она легко доставала ногами до педалей, сидела правильно и прямо без подложенных на сиденье увесистых книг и видела через ветровое стекло дорогу. Машина затарахтела, и сердце девочки забило ей в такт. Когда она отпустила тормоз, машина зачихала и заскрежетала. Сентябрь издала победный вопль, который потонул в протестующем реве машины, и они, раскачиваясь и подпрыгивая, с гудением и стуком покатали вперед по грунтовой дороге. Когда надо было переключать скорости, модель А неловко дергалась вперед. Когда надо было тормозить, она выла и бормотала. Сентябрь не обращала на это внимания. В очках, залепленных грязью из-под колес, прильнув к рулю, она хохотала на майском ветру. В целом было очень похоже на езду верхом на виверне.

* * *

Больше в тот день ничего не случилось.

Не успела Сентябрь и глазом моргнуть, как благополучно зашло солнце и все закончилось – она оказалась в прежнем мире, где нет модели А. Прекрасная, ужасная, громыхающая машина снова скрылась в гараже мистера Альберта. За ее выхлопом не погнался никакой ветер никакого цвета. Вечером, лежа в постели, Сентябрь все еще чувствовала вибрацию во всем теле. Так бывает после целого дня в море, когда ты уже на суше и в безопасности, тебя еще долго убаюкивает мягкое покачивание волн. *«Не буду я волноваться из-за того, что Зеленый Ветер сегодня не явился, – думала она под эхо переключения скоростей, пробежавшее под кожей. – Тетя Маргарет говорит, что беспокойством только плохих новостей накличешь».*

Вместо того чтобы болтаться целый день где попало, она будет готовиться. То место, которое занимал в ее сердце страх, она заполнит готовностью и мерами предосторожности. Она теперь, как-никак, бывалая Авантюристка. Не годится вечно заявляться в Волшебную Страну как беспомощный ягненок, у которого за душой ничего, кроме шерсти. Взрослые не сидят и не ждут, пока с ними что-то случится. Они строят планы, они все продумывают. Копят деньги, выбирают места, пакуют чемоданы. В ту ночь Сентябрь спала очень крепко. Ей снились битком набитые чемоданы и списки вещей, где все до единой строчки отмечены галочками.

Первым и самым главным из приготовлений была банка с крышкой под кроватью. Некоторое время назад Сентябрь начала копить деньги. Она была дочь своей матери, очень бережливая девочка, копившая даже то, что, возможно, в будущем и не пригодится. А теперь у нее была ясная цель – Сентябрь изрядно надоело оказываться в Волшебной Стране в нужде и без средств. Нисколько не лучше, чем в ее собственном мире! Даже хуже, на самом деле, ведь она понятия не имела, что вообще деньги там значат. Однако на этот раз у нее ничего не найдется на обмен: ни Первых Поцелуев, ни рубинов из волшебного скипетра, который в Небраске вполне мог бы сойти за неподъемное бревно. Богатой ей не стать ни здесь ни там, но можно по крайней мере попытаться убедить волшебный народ, что медяки порой не хуже поцелуев.

Так Сентябрь начала предлагать свою помощь всем соседям. Большие поручения ей давали или маленькие – она никогда не жаловалась: кормила овец и цыплят, выпалывала сорняки. Развешивала белье, которое трепетало над травой, как белые паруса. Писала письма для мистера Киллори, который не умел читать и не собирался учиться. Ухаживала за вечно грязными и строптивыми рабочими лошадьми Пауэллов, кормила их, мыла, расчесывала. Те в ответ только недовольно фыркали. Миссис Пауэлл дала ей полдоллара одной серебряной монетой, когда большая чалая кобыла оказалась жеребой, хотя уже никто и не надеялся. Сентябрь взяла на себя все поручения мистера Альберта, которые прежде выполняла ее мама, и разъезжала по всему округу, закупая и развозя то одно, то другое. Десяти-, пяти- и просто центовые монеты отправлялись в банку, мерцая в ее глубине, будто джем.

Быть предусмотрительным – значит быть наготове в любой момент, когда Волшебная Страна вздумает послать за тобой. Вот как Сентябрь представляла себе этот момент в самых тайных мечтах: целый мир приближается в прекрасной колеснице из воздуха, света и океана, целый мир приходит, чтобы забрать ее с собой. Тщательно все обдумывая и перебирая свои волшебные навыки один за другим, как бабочек в коллекции, Сентябрь поняла, что юбки и платья – не самая практичная одежда для путешествий. У нее была только одна пара брюк, и они стали ее любимым нарядом, потому что совсем скоро ей предстоит спотыкаться о

каменные стенки и гоняться за голубыми кенгуру. В брюках легко двигаться, делать дела и дерзать.

Сентябрь каждый день измеряла отцу температуру, но, когда он предложил платить ей по десять центов за то, что она такая прилежная сиделка, Сентябрь не могла и не хотела принять эту плату. Она расспрашивала его о боли так, будто это была зачастившая в гости родственница, и записывала все ответы в книжечку, которую ей дали доктора. Отец ездил в Омаху каждые три месяца. Как же медленно врачи приводили в порядок его ногу! Ничего нельзя было поделаться с осколком пули, застрявшим в бедре. Сентябрь всякий раз смотрела из окна, как он отправляется в госпиталь, усаживаясь в длинный блестящий «Паккард», который присылала за ним Ассоциация ветеранов войны. Иногда ей казалось, что на папе лежит то же заклятие, что и на ней, и он обречен снова и снова оставлять свой дом, чтобы возвращаться в какой-нибудь странный город.

Помогая то на одной ферме, то на другой, она часто вспоминала сивиллу, охранявшую вход в Волшебное Подземелье, где обосновалась ее, Сентябрь, собственная тень. Сивилла любила свою работу и с детства знала, что работа эта – такая же ее часть, как и сердце. *«А для какой работы родилась я? – думала Сентябрь далеко не в первый раз. – Что я могу сделать полезного? Какое дело подошло бы мне так же естественно, как служба часового подходит сивилле?»* Ответа она не знала. Ясно было только, что сажать овощи и водить машину – это не то. Блеющие овцы и одноглазый петух мистера Киллори, наверное, думали, что она недостаточно хорошо за ними ухаживает, чтобы посвятить этому всю жизнь. Она читала это в их черных глазах. Жеребая чалая кобыла не удостоила ее своим мнением ни в какой форме. Сентябрь считала, что у нее неплохо получается читать и думать, чему по большей части и учил папа до войны своих учеников. Ну и, похоже, она неплохо научилась свергать монархов. Но из этого, кажется, не сделаешь профессию. Сентябрь знала, что многие девочки прилежно готовятся к тому, чтобы стать хорошими женами и хорошими матерями своим будущим детям. Ее мама тоже стала хорошей женой и матерью, но еще она при помощи гаечного ключа и своей светлой головы заставляла самолеты летать. Сентябрь тоже хотелось применить свою светлую голову для чего-нибудь чудесного. Дождаться, когда выяснится, в чем именно состоит ее призвание, было не легче, чем перестать искать приметы Волшебной Страны у каждой каменной стенки и каждого фонарного столба.

Сентябрь старалась наполнить свою светлую голову мыслями такого рода, набить под завязку, чтобы не думать ни о чем-то другом. Месяц май растворился в цветах и птицах. Июнь подхватил эстафету лета и припустил по своей сухой золотистой дорожке. Ночью в окно к Сентябрь заглядывала луна, которая в Небраске похожа на круглый тюк сена. Однажды, но только однажды, когда она смотрела на свою банку с монетами в лунном свете, ее посетила ужасная мысль, которую раньше она не впускала, как бы громко та ни стучалась в двери ее сердца. *«Может быть, это потому, что я старею. Может быть, я не нужна Волшебной Стране, потому что я так старалась быть взрослой и вести себя как положено взрослым. Может быть, Волшебная Страна только для детей. Мне уже четырнадцать, а это совсем не то, что двенадцать. У меня даже работа есть, пусть и не самая лучшая. Я умею водить машину и не забываю каждый день в одно и то же время измерять и записывать папину температуру. Вдруг меня не пустят обратно из-за того, что я стала чересчур большой – нет, хуже того, чересчур обыкновенной».*

Той ночью она внезапно проснулась в полной уверенности, что услышала совсем рядом басовитое рычание виверна.

Наяву ничего такого не было. И Сентябрь заплакала в теплой неподвижной тьме.

Глава II

В путь, вслед за тупиками в которой Сентябрь не может починить забор, патрулирует границу, путается в предлогах и встречает очень милого пса по имени Беатрис

Первый день июля выдался жарким и своенравным. Сентябрь проснулась так рано, что, когда она выскользнула за дверь, на небе еще оставалось немного желтого и розового. Она отправилась к аккуратной полоске деревьев на границе их земельного участка. На Сентябрь были любимые зеленые рабочие брюки, которые, сказать вам правду, уже стали ей коротки, да и вытерлись, и линиялая рубашка в приятную красную и оранжевую клетку. С собой она взяла молоток, привесив его к поясу. В темно-оливковые карманы засунула жестянку с гвоздями, две ириски и книжку по норвежской мифологии в мягком переплете, которую пришлось согнуть почти пополам, чтобы она вошла в карман. Согнутым локтем она прижимала к груди свою банку с монетками. Сентябрь собиралась сначала немного почитать про омелу и восьминогих лошадей, а потом починить пролет забора, который повалился во время последнего ливня. Этот самый забор отделял их владения от гораздо большего участка мистера Альберта. Накануне вечером папа мимоходом упомянул упавший забор, так рассеянно и печально, будто и не было смысла чинить его в этом мире, где ливень льет, когда ему вздумается. После того как Сентябрь покончит с починкой, ей надо будет поехать на модели А в город с длинным списком покупок, составленным мамой. Мистер Альберт и миссис Альберт тоже дали ей свои списки покупок, а за компанию с ними миссис Пауэлл и мис-

сис Уайтстоун. Сама Сентябрь тоже решила потратить несколько своих бесценных монеток и купить компас и, возможно, еще какие-то мелочи, которые могут оказаться полезными в Волшебной Стране.

Сунув все списки в задний карман, Сентябрь взглянула вдаль, на стайку кудрявых белоствольных берез, разбежавшихся как заглавные буквы на странице. Их роскошная, глубокая до черноты, прохладная тень манила к себе. Путь предстоял неблизкий. Ни свистеть, ни чего-то еще, чем можно скоротать время, Сентябрь не умела. Поэтому она вытащила книжку, чтобы читать на ходу, следя за дорогой краешком глаза. Чтение Сентябрь могла совмещать с чем угодно: с прогулкой, с чисткой лошадей, с прополкой грядок, с оттиранием чайных чашек и соусников, на которых уже и рисунка-то не осталось. Стиль книжки был суховат, но разве это важно, когда валькирии и козы уже пришли в движение? Великанша Скади как раз принялась выбирать себе мужа, просто глядя на ноги всех богов подряд, и тут на страницу упала густая тень деревьев. Дальше надо было идти вдоль забора, пока не наткнешься на поваленный пролет, что ошетинился проволокой и разбросал вокруг доски. Сентябрь достала одну из ирисок и забросила в рот.

Возможно, именно из-за всех этих божественных ног, ирисок и жаркого утреннего солнца Сентябрь не заметила довольно крупную особу и еще более крупную собаку при ней, идущих по другую сторону забора. Справедливости ради следует признать, что особа шла очень тихо. Даже и не шла, а просто беззвучно таяла в одном месте и появлялась снова чуть дальше, вдоль забора, собака же, не отставая, трусила след за ней. Мы можем только порадоваться, что фигура появилась возле поваленного ветром забора именно в этот момент и ни секундой позже. Потому что, когда Сентябрь увидела эту грудку обломков поверх края книжки, она отвлеклась от Скади с ее пантеоном ног и уставилась прямо в искрящиеся электричеством голубые глаза огромной женщины с рослым, заметно скучающим псом.

Сентябрь не могла бы с уверенностью сказать, вправду ли женщина была огромной или она так выглядела из-за доспехов. Страшно подумать, какой сильной и выносливой надо быть, чтобы таскать все это на себе. Металл укрывал ее высокую крепкую фигуру, словно защитная решетка локомотива, клубился переплетением проводов, болтов и сияющих набалдашников. В центре, где положено быть сердцу, сияла ярким электрическим светом большая шахтерская лампа, из которой сыпались бледно-голубые искры. Ноги были обуты в башмаки из скрученных и скрепленных пряжками железнодорожных рельсов. Плечи прикрывали огромные черные желоба, усеянные заклепками. На руках, каждая размером с половинку Сентябрь, красовались перчатки, высеченные из двух дымчатых алмазов. Алмазные грани то вспыхивали жгучими белыми огоньками, то становились холодными и черными. Даже волосы женщины представляли собой спутанную массу электрических проводов, собранных в узел. Несколько прядей выбились из пучка и развевались на ветру, роняя шипящие искры в придорожную грязь. В одной руке женщина держала гигантский старомодный фонарь, в котором на месте фитиля образовался клубок черного нагара. В другой сжимала огромный крюк из красивого замысловато скрученного металла, покрытого резьбой, будто древний китовый ус.

У пса породы грейхаунд, размером со льва, но в два раза ленивее, были такие же пронзительные голубые глаза. Мягкая волнистая шерсть, серо-белая с черными крапинками, защищала от мух не хуже доспехов. Морда выражала скорбь и сдержанность, характерные для этой породы.

Сентябрь глазела на них во все глаза. Женщина тоже глазела на нее, но гораздо спокойнее, поскольку Сентябрь была мала и не рассыпала вокруг электрических конфетти.

А потом женщина исчезла.

Воздух в том месте, где она стояла, еще с минуту колебался и пузырился, а затем все стихло. Грейхаунд еще раз посмотрел на Сентябрь долгим, слегка настороженным взгля-

дом охотничьей собаки, словно говоря: «Собачья жизнь, собачья работа, а не ирисками ли тут пахнет?» Он поднялся, быстро потянулся, выгнув спину дугой, и потрусил вдоль линии забора.

Сентябрь кинулась за ним. В этом, как оказалось, не было нужды – электрическая дама с треском материализовалась всего в трех-четыре шагах от прежнего места. Она подняла свой крюк и, казалось, зацепилась им за что-то невидимое в июльском воздухе, дергая и выкручивая это невидимое с отчаянным усилием. Капли искристого желтого пота выступили над ее бровью.

– Доброе утро, – сказала Сентябрь и тут же почувствовала себя глупо. А из Волшебной ли Страны эта женщина? Выглядит она по-волшебному. И ощущение от нее волшебное. Воздух вокруг нее вскипает от нестерпимого жара, а пахнет она расплавленным металлом, но при этом, парадоксально, еще чем-то растительным: грибами, стеблями одуванчиков, сосновой смолой. Ну кем же ей еще быть? Сентябрь таких еще не видала. Ясно одно – исчезает она мастерски.

Грейхаунд ухватился за длинный черенок крюка, с рычанием потянул за него, и совместными усилиями они с хозяйкой освободили то невидимое, что застряло в небесах. Дама промокнула пот со лба простеньким платком в клетку, очень похожим на клетчатую рубашку Сентябрь.

– И тебе доброе утро, малышка, хотя по моим часам сейчас полночь, а по настроению так довольно ненастная полночь. – Она просунула свою бриллиантовую руку под нагрудник доспехов, вытащила оттуда кусочек ярко-красного света и бросила его псу. Тот в прыжке поймал угощение и радостно им захрустел. – До конца моей смены далеко, а Линию еще разматывать и разматывать. Вот так всегда, правда? – Она улыбнулась усталой улыбкой, блеснув медными зубами.

Сентябрь не придумала, что бы ответить. В таких случаях слова у нее обычно сами срываются с языка, хотя лучше было бы его попридержать. Именно так произошло и на этот раз.

– Вы не Ветер, – выпалила она, но тут же устыдилась своей грубости и покраснела.

– Эт точно, – зловеще ответила дама и снова испарилась. Сентябрь стиснула зубы от досады и, оглядевшись, поплелась вдоль забора туда, где электрическая дама снова начала материализоваться. Пес твкнул и последовал за ней.

– Тогда кто вы? – спросила Сентябрь все так же в лоб. Она глубоко вдохнула, выдохнула и попробовала начать сначала: – Поверьте, у меня не такие дурные манеры. Просто бывает, что правила приличия не позволяют сказать что хочется, а ничего другого мне в голову не приходит. Я что, собственно, хотела спросить, вы же из Волшебной Страны, правда? Иначе ведь быть не может?

Дама снова забросила свой крюк в небо, но на этот раз ей пришлось всего пару раз подергать его, чтобы добиться, по-видимому, удовлетворительного результата. Она достала еще один кусок красного света, засунула его на этот раз себе в рот, как комок жевательного табака, и начала перемалывать.

– Видишь ли, слово «из» тут звучит нелепо. Это предлог, а они все такие неловкие. Из Волшебной ли я Страны? Нет, так нельзя сказать. Так ты попадешь пальцем в небо. Может быть, я *при* Волшебной Стране? Ближе, но нет, все еще мимо. Может, я у Волшебной Страны? *За* ней? *Под* ней? Нет, все не годится. Беда с этими предлогами. Все время норовят пришпилить тебя булавкой, приколоть то к одному, то к другому. Предлоги – это стражи пространства и времени. А мы с временем и пространством рассорились еще в школе, и с тех пор нас не назовешь закадычными друзьями. Предлоги вечно пытаются поставить тебя на место, мелкие прилипалы. А в моей работе все должно быть по линейке – ничего себе, я еще и каламбурю! – да, по линейке, ровненько, и ничему нельзя позволять прилипнуть к тебе, даже

словам. Словам особенно! Потому что к ним липнет все остальное. А их целые толпы, этих слов, и они напозадают на твою работу, облепляют ее, как муравьи. Только подзадержишься где-нибудь, они тебя тут же прикончат. Вот я и не задерживаюсь.

Она зашипела и снова исчезла, рассыпавшись голубыми искрами. Пес уставился на Сентябрь горящими глазами.

– Мы *через* Волшебную Страну, – медленно произнес он тихим, как опадающий пепел, голосом.

Голос дамы, потрескивающий статическим электричеством, вернулся прежде, чем Сентябрь увидела голубую лампу ее сердца. Та вспыхнула точно в том месте, где исчезла.

– Так вы никуда и не уходили! – воскликнула Сентябрь.

– Как же не уходила, – возразила дама. – Я перенеслась на сотню тысяч миль. Залатала Линию в районе Шпиндельной Подстанции. А теперь заменяю предохранитель на Гранатовом Узле. Просто это не здесь, понимаешь? Меня здесь вообще нет. Это то же самое, что я тебе про слова толкую. Я по другую сторону горизонта. Просто Линия, ну, то есть граница, здесь такая изношенная, что часть меня проступает, и ты ее видишь хотя и не должна. – Она сузила сверкающие голубые глаза и склонилась над Сентябрь, грозя огромным алмазным пальцем. – Кажется, юная леди, вы у меня сейчас отправитесь спать, притом без ужина. Подглядывать за гейзенберговской механикой через замочную скважину! Ну и дети пошли! – Тут электрическая леди не выдержала и рассмеялась. – Расслабься! Я просто люблю иногда пошутить по-своему. Меня не беспокоит, что ты меня видишь. Линейщики вообще мало о чем беспокоятся.

– А кто такие Линейщики? – выдохнула Сентябрь, обрадованная, что хоть за что-то смогла зацепиться в этом разговоре.

– Ну, я, например. Меня зовут Бумер. А мой напарник – старина Беатрис. Он – Кон. Или Конденсатор, если захочешь когда-нибудь послать ему формальное приглашение. Он меня заземляет, держит Линию, пока я с ней работаю.

– Беатрис – это же девчоночье имя.

Бумер пожала плечами.

– А ему нравится. Мне дела нет, как мой Кон хочет называться. Э-эй, ты не на шутку решила меня разговорить, верно? Заставить пользоваться словами совсем как *люди*? – с грохотом и шипением Бумер опустилась прямо на землю возле забора. – Ну, хорошо, попробую, но сразу предупреждаю, что я этого не люблю. Линейщики работают на Линии. На границе между мирами. Это примерно как вы коров удерживаете, чтобы они не разбрелись и не превратились в гамбургер под колесами поезда или не переломали бы себе коленки об дубовые корни. Если б не Линия, любой мог бы прыгать туда-сюда, из мира в мир, как девчонки в «классики» играют. Метнет биток через Линию и поскакала себе. Да еще и хвост подружек приведет за собой. Вот неразбериха и начнется, уж я-то знаю, всякое повидала.

– Но люди и правда прыгают туда-сюда, – смутилась Сентябрь.

– О да! Еще и *как* прыгают! Добавляют мне работы. На Линии есть слабые места. Она довольно старая, и потом не больно-то я верю в добросовестность тех, кто ее прокладывает. Постоянно требует ремонта. Пока мы с тобой болтаем, я успела залатать четырнадцать прорех, залудить прохудившийся трансформатор, выбрала слабины на двадцати участках, заменила семь перегоревших узлов и затянула сеткой дыру размером со штат Монтана. – Бумер сощурила один глаз. – Надеюсь, тебе хватит сообразительности, чтоб понять: все это – лишь слова. Слова, которые ты понимаешь только потому, что живешь в мире, где есть Монтана, трансформаторы и конденсаторы. И они – не слова, а совсем другое.

– Разумеется, – поддакнула Сентябрь, понятия не имея, о чем речь.

– Я не из Волшебной Страны. Никогда там не была. Но зато я вижу ее как в витрине магазина, понимаешь. Я прохожу между мирами и охраняю Линию. Совсем недавно тут был

большой прорыв, недавно – по *моим* часам, а не по твоим. И когда я говорю «здесь», я не имею в виду вашу ферму в Небраске, поверь мне. А просто «здесь». «Здесь» – это где Плутон, и гусеницы, и шары, которые взлетают, потому что наполнены гелием. Люди тут появляются и исчезают, будто ими из цирковой пушки выстреливают. Мне это не нравится, так и знай. На этих участках Линия всегда будет уязвимой. Структурные дефекты. А за последний год она почти полностью износилась, я точно знаю. Часовые пояса – это сущее мученье, поверь. В прошлом году мы почти потеряли Линию, да и теперь я должна присматривать за ее провисанием.

– В прошлом году! Я как раз была в Волшебной Стране. А моя тень воровала там магию. И если бы она довела это дело до конца, границы могли полностью стереться. Так сказала Минотавра.

– Минотавров надо слушать, они зря не скажут. Всякий, у кого четыре желудка, должен хорошо владеть реальностью. Линия была вся в лохмотьях. До того дошло, что можно было просто споткнуться о стену и оказаться неведомо где. А когда дела идут настолько плохо, *бандиты* тут как тут. Хуже мышей! Только один появится – считай все здесь. Беатрис их постоянно гоняет, но что он может сделать в одиночку? Утечка – это один из фундаментальных принципов устройства вселенной. Вопрос только в том, что именно польется и когда прорвет.

Бумер сплюнула. Из рта ее вырвалась струя красного огня. Сентябрь уставилась на свои туфли.

– Что же это – я тоже бандит? Я тоже пересекала Линию. Дважды! Даже четыре раза, если считать обратный путь.

Бумер посмотрела на нее многозначительно. Сентябрь сунула руки в карманы, но все же подняла голову и выдержала взгляд Линейщицы. Она не станет делать вид, что сожалеет об этом. Теперь-то ее точно в бандиты запишут.

Глаза Беатриса вспыхнули, как электрические лампочки. Он завыл – длинно, гулко и с присвистом, точь-в-точь как паровая турбина.

– А вот и они, – прокряхтела Бумер, с усилием поднимаясь и раскладывая свое металлическое тело как головоломку.

– Кто?

Прерия оставалась зеленой и тихой, если не считать порывов ветра, колыхавших колося и темные верхушки берез.

– Ты же за ветрами гоняешься, верно? А я их ненавижу. Всю их болтливую шайку преступников, беглецов и психопомпов. Если бы не ветры, я бы давно уже вышла на пенсию и нежилась бы за пределами времени. Вперед, Беатрис! Голос!

Грейхаунд поднялся на огромных задних лапах и пролаял раз, и два, и три. Теперь его голос был похож не на вой паровой турбины, а скорее на страшный колокольный звон.

Сентябрь прижала ладони к ушам – и очень вовремя. Ветер стегнул сам себя так яростно, что колоскам пшеницы ничего не оставалось, как встать прямо и вытянуться в струнку, едва не отрываясь от земли. Воздух словно задрожал, затрясся и, наконец, вывернулся наизнанку, выплеснув наружу толпу оглушительно галдящих, вопящих, смеющихся и улюлюкающих тварей.

Тупики!

Один за другим они взмывали вверх, как пушистые пушечные ядра, хлопали пару раз крошечными крыльями и снова плюхались на упитанные брюшки, накатывая друг на друга, как волны на берег. Их ярко-оранжевые округлые клювы сверкали золотом. Одни тупики были не больше бекаса, другие – огромные, с охотничью собаку. Чем ближе они подкатывались, тем лучше был виден блеск их глаз: черных, зеленых, красных, фиолетовых. Некоторые из этих цветов, решила Сентябрь, не слишком-то подходят для птичьих глаз. Один за

другим тупики снова и снова взлетали ввысь, перебирая перепончатыми ножками на фоне неба так, будто карабкались по горному склону.

А над этой стаей плясала и кружила, с ухмылкой перепрыгивая с одного тупика на другого, юная леди в синем. На ней были брюки цвета индиго, на которые пошло шелка не меньше, чем пошло бы на юбку такой же длины; при каждом шаге они шуршали, а из складок украдкой выглядывали мертвенно бледные голубые звездочки. Еще на женщине были бирюзовые перчатки выше локтя и сапфирового цвета ботинки с ледяными шнурками-сосульками, зашнурованными крест-накрест до самого колена. Широко развевались полы красивого длинного плаща небесной голубизны, с тяжелым серебряным поясом на талии, простроченного аквамариновой нитью и отделанного грубой овчиной немислимого черничного цвета. Длинные лазурные волосы разлетались во все стороны из-под кобальтовой фуражки, отороченной той же темно-синей овчиной. Головной убор был увенчан ледяной пикой, как на старых фотографиях немецкого кайзера. Женщина курила длинную глиняную синюю трубку, выдувая такой же синий дым огромными квадратами, треугольниками и ромбами, через которые ныряли и кувыркались ее тупики.

В оглушительный гвалт тупиков ворвался протяжный рев клаксона. В самом центре стаи обнаружился «Форд» модели А мистера Альберта. Он перемещался скачками, подпрыгивая и зависая над землей, где его поддерживали, толкали, несли и снова толкали птицы.

– Но это же *моя* машина! – воскликнула Сентябрь. – То есть это машина мистера Альберта, – исправилась она, однако была возмущена тем, что на ней смеет кататься кто-то еще – пусть даже тупики. – Что они с ней делают? Они же ее на кусочки разнесут!

– Конокрады! – с отвращением сказала Бумер. Она взяла свой крюк на изготовку, как боевой топор. Беатрис завыл. На этот раз звук напоминал скрежет шестеренок, которые проворачивались глубоко в недрах земли.

Женщина в синем заметила Сентябрь. Ее ухмылка стала еще шире, черные глаза заблестели. Сентябрь и остальных отбросило к забору. Воздушная волна, обтекая Линейщицу и ее Конденсатор, стала такой горячей, что ноги Сентябрь вспыхнули от жара, но она не отступила.

– Хо-хо, Девочка! – завопила синяя бандитка, как кричат моряки, завидев землю, и элегантно отсалютовала.

Сентябрь отсалютовала в ответ, и улыбка ее вспыхнула фейерверком. Кто же это еще, как не Синий Ветер, наконец-то прилетевшая за ней? Сентябрь немедленно простила ее за опоздание. Сердце в груди так колотилось, будто искало выход наружу.

– Хо-хо, Ветер! – закричала Сентябрь в ответ. Весь разговор про бандитов и необходимость оберегать от них Линию внезапно стал совершенно неважным. Сентябрь засмеялась, весело замахала и, не удержавшись, спросила: – Ты прилетела забрать меня в Волшебную Страну?

Синий Ветер склонила голову набок и заухала. Тупики завопили в ответ. Теперь, когда они пролетали почти над головой, Сентябрь разглядела, что на каждой птице были нарядные блестящие доспехи, как в книжках про испанских конкистадоров. Доспехи были сделаны из льда и облеплены снегом. Из шлемов торчали собственные перья тупиков, служащие плюмажами.

– Даже и не думала, – пожала плечами Синий Ветер. – Волшебная Страна – это же такая скучища. Зачем тебе туда? – Она рассмеялась, и смех ее умчался в лес, отражаясь и разбиваясь о деревья.

И тут одновременно произошло несколько вещей.

Бандиты взмыли в небо: тупики, Синий Ветер, модель А, а вместе с ними изрядное число березок, вырванных из земли страшным бреющим ветром.

Беатрис взвился вверх, преграждая им путь, вытянув струной длинное серебристое тело, сверкая ослепительно белыми острыми зубами.

Бумер бросила крюк и распустила волосы. Это было такое простое естественное движение, что Сентябрь понятия не имела, зачем она это сделала, пока не увидела, как масса волос, разлетевшись во все стороны, образовала сеть из проводов, искрящихся электричеством, широкую и крепкую, как парус корабля.

Сентябрь закричала, сама не зная, кого она хотела предупредить – собаку, птиц, Бумер или Синий Ветер. Впрочем, это не имело значения.

Беатрис щелкнул зубами под самыми брюшками птиц. Те насмешливо защебетали в ответ. Он промахнулся и в первый, и во второй, и в третий раз, потому что до птиц ему было не достать. Он грохнулся обратно на землю, дергая мордой и скуля от отчаяния. Как только собака покинула воздушное пространство, Бумер метнула электрическую сеть навстречу бандитам. Сентябрь была уверена, что все они поджарятся насмерть, но Синий Ветер только захихикала. Подмигнув Сентябрь, она завертелась волчком, как фигуристка, на спине самого большого тупика. Поток птиц вытянулся, ужался, съезжился и с ходу проскочил через ячейки электрической сети, а вслед за ними проскользнула и модель А, тоненько сигналив в прыжке.

Внезапно ветер стих. Все замолкло. Бумер застыла столбом, в гнев зажав в бриллиантовых кулаках концы ее электрической сети. Беатрис еще раз завыл воем, схожим с паровозным гудком.

Сентябрь, пытаясь перевести дух, посмотрела на Линейщицу, потом на Конденсатор. Затем взглянула вслед исчезающему вдаль Синему Ветру. В голову ей пришла совершенно четкая мысль. Бумер не позволит ей пересечь границу. Работа Линейщицы в том и заключалась, чтобы говорить «нет» и преграждать путь. Точно так же, как работой сивиллы было говорить «да» и открывать путь. Как ее собственной работой было записывать папину температуру и смотреть за беременной кобылой Пауэллов, даже когда та кусалась. Делаешь свою работу и отвечаешь за нее. На этом держится мир взрослых, и их магия тоже.

Прежде чем Линейщица смогла ее остановить, прежде чем Беатрис вновь поднялся на задние лапы, Сентябрь прижала локтем свою банку из-под джема, рванула вперед – и прыгнула что было сил. Она нырнула в ту же ячейку сети, что поглотила стаю тупиков, в зазор между потрескивающими бело-голубыми проводами, шириной как раз чтобы пропустить девочку. В последний момент она зажмурилась, ослепленная потоком сверкающих искр и внезапной уверенностью в том, что оттолкнулась недостаточно сильно для прыжка! Сейчас она запутается в проводах и обратится в пепел. Поздно, слишком поздно она решилась!

Сентябрь вмиг исчезла в своем мире, как исчезает, погаснув, светлячок. Бумер вздохнула. Она пнула столб забора, который в ужасе разлетелся на части еще до того, как ее огромная нога приблизилась к нему. Линейщица опустила сеть волос, как занавес, и тут же снова исчезла. На этот раз Беатрис тоже испарился. От них обоих в воздухе остался висеть только отголосок собачьего воя.

Глава III

**Посетители с сомнительной репутацией
в которой Сентябрь приземляется в
уже знакомом городе, спорит с Ветром,
делает отчаянный выпад в сторону
стоицизма и принимает к сведению
некоторые факты относительно крушения
политических и экономических режимов**

Выполнив один из самых неуклюжих кульбитов в истории акробатики – кувырок с переворотом через крыло, – Сентябрь свалилась с неба.

Падать было невысоко. Сеть Линеищицы без всяких церемоний и приличий вывалила ее на сухую пыльную дорогу с высоты достаточной, чтобы дать понять, что ею весьма недовольны. Сентябрь приземлилась на колени, брякнувшись так, что пробрало до самой макушки. Она моргнула, но не издала ни звука. Глаза отказывались открываться в полной уверенности, что их хозяйка поджарилась до хруста. И даже когда она начала ощущать грубую ткань своих штанов и совсем не обугленную кожу рук, глаза все не открывались. Вдруг она глянет, а мир вокруг нее – совсем не Волшебная Страна, а какой-нибудь ужасный заброшенный ветхий сарай на Линии или просто лес за домом мистера Альберта?

«Один глаз, потом другой. – Сентябрь пришлось повторить это дважды, прежде чем ее веки послушались. – Один глаз, потом другой. После этого смотри и будь готова к встрече с тем, что увидишь».

Небо оказалось не голубым и не черным – не день и не ночь, а пламенные всполохи сумерек. Сияние алого и бордового, ярче кипящей ртuti и павлиньего хвоста, будто сочилось из воздуха, омывая каждый предмет. Сентябрь стояла на коленях на выцветшей серозеленой линии, прочерченной, даже *прорезанной*, в широкой и длинной дороге. По обе стороны мягкие дымчатые колонны взмывали к ярким волнистым облакам. Колонны – да не совсем! Одни очень высокие и очень шаткие; другие – как башни кафедрального собора, но не выложенные из ровных кирпичей, а сколоченные ржавыми гвоздями из досок. Третьи были сложены из красивых каменных плит, зато снизу доверху зияли огромными дырами. И очень, очень многие колонны были перевязаны длинными шелковыми лентами с восковыми печатями – черными, белыми, красными или золотыми, – и все эти ленты были в пятнах и потеках. Сквозь дыры можно было разглядеть рисунки: линии, дома, смешные дракончики с гигантскими ноздрями, плавающие в тщательно вычерченных морях. Это были огромные свитки пыльных пергаментов – каждая складка, сгиб и надрыв отливали ультрамарином. Дорога, что зашуршала у нее под ногами, как только она поднялась с колен, тоже оказалась из бумаги, старой плотной глянцевой бумаги, на которой пишут только о самом прекрасном или очень важном. На самом верху свитков Сентябрь увидела церковные башни и виллы, фермы и сады. Кудрявый баран свесился через край и блял на все, что видел внизу. Его бляние неясно отражалось от стенок бумажного ущелья. Там и сям виднелись башни, увенчанные проржавевшими куполами. Как раз в таких сооружениях ветер воет всего сильнее, свищет всего громче и визжит всего пронзительней.

Впереди разворачивался огромный жемчужно-фиолетовый горный хребет, похожий на бесконечный ряд библиотечных полок. Туча галдящих птиц кувыркалась и плясала, направляясь к этому взгорью. За ними клубами вился автомобильный выхлоп.

Сентябрь хотела прыгать от радости на этой дороге и кричать в сияющие небеса. Она могла бы сделать сальто, настоящее сальто, по всем правилам. Она желала ликовать и возносить к облакам всяческий вздор, она была готова поцеловать любого, кто окажется рядом, только никого не оказалось, ну и ладно. Ничего из перечисленного она не сделала. Вместо этого она прижала руки ко рту и задрожала всем телом, как собака, виляющая хвостом. Лицо ее покраснело от натуги – так трудно было удерживать внутри весь шум и тарарам, учинить который рвалось ее тело. В этот момент громче всего говорила голова, и голова эта хотела оставаться холодной и собранной, как Ветер. Быть пронизательной и предусмотрительной, как надлежит Ветру. Когда ты выставляешь напоказ все, что внутри, люди смотрят на тебя косо. Никто никогда не говорил ей, что ликовать, плясать от радости и нести чушь – это по-детски, но она каким-то образом чувствовала, что так оно и есть.

Должна ли я ей об этом сказать? Следует ли мне быть добрым и понимающим рассказчиком и отвести нашу девочку в сторонку? Стоит ли прикоснуться к ее новому пылкому сердцу и напомнить, что она больше не принадлежит к вовсе бессердечному племени детей и даже не является более владельцем дикого юного сердца тринадцатилетних девочек и мальчиков? О Сентябрь! Сердца, запертые в наших грудных клетках, – фантастическая куча нежных и страшных чудес, но они, эти сердца, нуждаются в дрессировке. Беатрис мог бы тебе об этом порассказать. Сердце может научиться множеству трюков, и каким оно станет зверем, во многом зависит от того, знает оно команды «сидеть» или «лежать», подает голос или лапу, кувыркается или поднимает тревогу, охраняет или нападает, ищет или сторожит. Но самый главный трюк, которому всякий рад выучиться в ту самую секунду, как только заполучит сердце, – это притвориться бессердечным. Это первейшая опасность для наделенных сердцем. Следует ли мне предупредить ее о том, о чем ни вас, ни меня не предупреждали?

Вряд ли вы подумаете, что я на такое способна. Вы ведь меня уже знаете.

Так что Сентябрь постаралась натянуть на лицо выражение благородного, очень гордого собой, серьезного взрослого, поскольку считала, что именно этому трюку ей следует научиться в первую очередь. Однако не так просто охватить сразу пару глаз, нос и рот, поэтому ей удалось разве что справиться с нескрываемой, прыгучей, искрометной радостью – но все же на этот раз радость была молчаливой. Она звенела внутри, но наружу не выплескивалась. Вернуться в Волшебную Страну! Очутиться в мире волнующей до трепета магии. Оказаться в краю, где не надо лгать о том, чего больше всего хочешь, – потому что все это уже здесь, все это можно трогать, и говорить с ним, и бороться с ним, и ездить на нем верхом. Однако оценить сдержанность Сентябрь было некому.

И кстати, *что это* за место? Оно выглядело страшно знакомым, но Сентябрь была почти уверена, что никогда ей раньше не приходилось бежать по пергаментной дороге или задира́ть голову к вершинам башен из свитков. А ей действительно приходилось бежать, чтобы не отстать от тупиков, Синего Ветра и бедной машинки мистера Альберта, которая и не чаяла, что ей будут так досажать! Банка с монетами гремела, и ее звон разносился в каньонах колоннад. Постойте, но ведь раньше она уже слышала этот свист ветра! И ей знаком этот сухой сладкий запах, что доносит сюда бриз!

К счастью, тупики, перепрыгнув через Линию, больше, похоже, никуда не спешили. Их глянцевая масса рассыпалась, за исключением тех, кто поддерживал украденный автомобиль на своих спинах, покрытых ледяными панцирями. Некоторые взмыли вперед и вверх, к солнцу, похожие на ядра с оранжевыми клювами. Маленькие пичужки выстреливали как пули, отлитые из жемчуга и чернил, и приземлялись на чем угодно, что попадет в этом пустынном месте. Когда Сентябрь перевалила через горку на бумажной дороге, она обнаружила небольшой птичий базар, раскинутый посреди колонн, со стаями галдящих птиц, оккупировавших все крыши и печные трубы на них.

Ровная дорога вела прямо в деревню, которая прижималась задворками к подножью гор. Пи́ки гор, подпирающие деревню сзади, возносили на немыслимую высоту ажурное сплетение текста и рисунков из старых-престарых чернил, исчезающих в вышине. В сторону от главной дороги, к центру деревни вел полосчатый настил. Каждая полоска была образована перегибом длинной плотной тяжелой карты, подвешенной так, как они обычно висят в библиотеках – перекинутые через крепкую перекладину, чтобы не мялись и не морщились. На всех до единого сгибах виднелась синь незнакомых океанов. Сентябрь притормозила перед ведущим к мощеной дорожке пандусом в виде огромного, размером с лодку, атласа, открытого на титульном развороте, где значилось:

ГОРОД МЕРКАТОР.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ 1203 ГОДА.

РЕДАКТОР: КОРОЛЬ ХРУСТИКРАБ ПЕРВЫЙ.

ВЕРСТКА И ОФОРМЛЕНИЕ: КАДАСТР ОКТОТОРП, ЭСКВАЙР.

ВСЕ ИМЕНА, СОБЫТИЯ, ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПНИКИ, МАГИЯ, БЕСПОРЯДКИ И УГРОЗА ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ ИСПОЛЬЗОВАНЫ С СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ДОЗВОЛЕНИЯ.

ПОСЕТИТЕЛЯМ С СОМНИТЕЛЬНОЙ РЕПУТАЦИЕЙ ОБРАЩАТЬСЯ НА ПУТЕВУЮ СТАНЦИЮ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО.

ВСЕМ ОСТАЛЬНЫМ ДЕРЖАТЬСЯ ПОДАЛЬШЕ.

– Ну, я не думаю, что у меня сомнительная репутация, – предположила Сентябрь, переводя дыхание. Дальнейшие самооправдания прервал дикий, залиvistый смех. Сентябрь

вздрагнула – прямо над ней, на краешке длинного кривого дымохода примостилась Синий Ветер, хохоча и тыча в нее пальцем.

– Ах ты кислая моя черничка, ты просто прелесть, когда сама не понимаешь, что несешь.

Синий Ветер спикировала с трубы не хуже летучей мыши. На кратчайший миг она раскинула руки, в пируэте приземлилась рядом с Сентябрь и всплеснула синими ладонями.

– Даже если забыть, что ты низложила – спасибо, что со свету не сжила! – не один, а целых два режима и дестабилизировала целый ряд территорий, названия которых ты даже произнести правильно не сможешь, не говоря уже о том, чтобы сметать для них наживо парочку конституционных монархий; если бы даже ты была поосторожнее и не разбрасывала повсюду свои игрушки, когда убегала домой, я бы все равно ждала от тебя неприятностей. – Синий Ветер скривила блестящие пурпурные губы в озорной усмешке. – Автостоппица!

– Я никому не навязывалась!

– Ой, да перестань ты! Без меня ты бы в жизни сюда не пролезла. Когда ты вообще попадала в Волшебную Страну в одиночку? Да никогда, потому что ты не можешь, потому что ты – человеческого рода, а люди все такие скучные, совсем как ты. – Она скрестила на груди руки в парчовых перчатках, весьма довольная собственной логикой.

Сентябрь вздрогнула, будто от пощечины. Внезапно она вспомнила, что братья и сестры не очень-то жаловали Синий Ветер. Зеленый Ветер сам говорил ей об этом.

– Ты меня просто дразнишь. Ветер никогда бы не стал обзываться такими словами. Ветры... не то чтобы добрые, но по крайней мере не такие жестокие!

Синий Ветер изогнула аквамариновую бровь.

– Ты что, никогда не встречалась с жестоким ветром? Какая же легкая, пляжная и банановая была у тебя жизнь. Я никогда не дразнюсь, мадам! Я втираюсь, заманиваю, топаю, выхожу из себя и, конечно же, *замораживаю* – я же самый Холодный и Суровый из всех Вихрей! Я – ужас мира! Но я никогда не *дразнюсь*. Ты можешь нажать куда больше неприятностей, принимая всерьез тех, кого встретишь, спрашивая лишь о том, что они делают, и делая только то, о чем тебя просят. – Синие глаза ее сверкали. Один из тупиков заложил круг и приземлился ей на плечо. Сжимая крылом заиндевший бердыш, он принялся маршрутировать по плечу туда и обратно дерганым строевым шагом.

Сентябрь взорвалась:

– Ты обязана была прийти и забрать меня! Ты должна была привезти меня в Волшебную Страну еще весной! Не ты, так кто-то другой из ваших! Зеленый Ветер обещал! Обещал, что я буду возвращаться каждый год, а ты не появилась, а теперь огрызаешься, как старый пес. Ты вообще на Ветер не похожа, если разобраться! Где твоя большая кошка? Тебе наверняка нравится похищать людей, точно так же как ты похищаешь все остальное!

Синий Ветер уперла руки в лиловые бока. Голос ее срывался на крик.

– Слушай, ты, избалованный, никудышный девичий *порыв*! – прорычала она. – Я тебе не общественный транспорт! Это *ты* превратилась в пресыщенную неженку. Привыкла получать то, что хочешь, а теперь хочешь только то, к чему привыкла. – Синий Ветер раздула щеки, как херувимчик, и утихомирилась. Она оглядела мощеную дорожку с таким видом, будто у нее есть дела поважнее, да и выпить бы не мешало. – Надежды так губительны для человечьих детенышей! Я бы и самую драную свою шляпу не отдала за делишки моих братьев и сестриц. Я даже на семейные сборища не хожу. Я иду своим путем – и пусть попробуют меня тронуть! Они и так отобрали моего Снежного Барса из-за той дурацкой истории в Тунисе, если уж тебе так не терпится осрамить меня. Лицемеры! Будто сами они не переворачивали мир с ног на голову, только чтобы посмотреть, как он будет кувыркаться. Но меня они не достанут! Мне нечего стыдиться! Мои тупики ничуть не хуже, чем их старые

облезлые кошки. Тупики Внезапных Буранов, моя маленькая армия. Зиме нужны ее рыцари, если уж на то пошло.

Синий Ветер отсалютовала верному соратнику, сидевшему на ее плече. Тот ответно отсалютовал наконечником алебарды.

– И вовсе я не хочу забирать тебя в Волшебную Страну. У меня было время над этим подумать, целое лето. Я наблюдала, как ты бестолково там мыкалась, и, хорошенько поразмыслив, пришла к выводу, что ты мне совсем не нравишься. Волшебная Страна тебя напрочь испортила. Ты даже вообразила, что тебя *обязаны* туда унести. Какое нахальство! Пора тебе стать разумной и обходительной девочкой, получать хорошие оценки и перестать куролесить во всех Волшебных Странах подряд. Выучись ремеслу и иди своей дорогой, а об этом и думать забудь!

Сентябрь открыла рот, чтобы возразить, чувствуя, как всю ее, от ног до желудка, накрывает паника, словно грозовая туча. Какая она жестокая, этот Ветер! Ничего себе манеры! Сентябрь вовсе не считала, что ей кто-то чем-то *обязан*... хотя, впрочем... Разве она не рассердилась, когда миновал месяц май, а за ним и лето, и ничего, ни шепотка. Разве не чувствовала, что ее вроде как предали? Но, с другой стороны, разве ей кто-то что-то обещал? Ты чувствуешь, что тебя предали, только если у тебя есть на что-то право... Горькая досада поползла от пяток к макушке и, конечно, не миновала щек.

Синий Ветер засмеялась лающим смехом. Она проворно наклонилась и шлепнула Сентябрь по щеке, совсем легонько. Обжигающе, словно обидное слово. Сентябрь уставилась на нее, ошеломленная, с широко открытым ртом.

– Кто первый покраснел, тот проиграл! – возликовала Ветер. – Я победила, игре конец.

Сентябрь поднесла руку к лицу. До этого случая ее били только однажды. Старшеклассница Марта Мэй, у которой были самые густые, блестящие и красивые рыжие волосы во всей школе, подошла к ней на большой перемене и шлепнула по щеке. Удар был не сильный: в последний момент Марта Мэй зажмурилась, и пощечина не получилась. Ее пальцы скользнули по щеке и по уху Сентябрь. Но от этого обида не стала менее жгучей. Это подружки Марты подначили ее так поступить. Сквозь слезы, с выпрыгивающим из груди сердцем Сентябрь смотрела, как они прыскают в ладошки – люди так себя ведут, когда знают, что смеяться не стоило бы. Марта Мэй постояла растерянно, будто ей стыдно и непонятно, почему она вообще это сделала, – но потом тоже рассмеялась и убежала к своей стайке, блестя на солнце рыжими кудрями.

На этот раз Сентябрь не расплакалась. Не дождетесь! Синий Ветер снова издала ликующий вопль, подбрасывая и ловя свою кайзеровскую каску. Пока она себя так подбадривала, все вихри и шквалы вокруг тоже возбудились – они кружились, брызгались и разлетались врассыпную. Темные волосы Сентябрь и сине-фиолетовые Синего Ветра заструились вокруг них, будто все дело происходило под водой. Ветер визжал в дырявых стенах высоких шатких башен. Этот звук показался Сентябрь очень знакомым! Она начисто забыла о своей горящей щеке.

– Подожди! – закричала она. – Мы что, в Вестерли?

Синий Ветер остановилась, будто радио выдернули из розетки. В тот же миг все ее порывы стихли. Она присела на корточки, балансируя на носках туфель из синей кожи, сложила пальцы лодочкой и в изумлении посмотрела на Сентябрь.

– А что же еще, по-твоему, Ветры станут называть домом? Но это еще не сам Вестерли, понятное дело. Не тот Вестерли, в котором живет Сборище Рыхлых Толстяков, которые могут не впустить тебя Без Всяких Оснований. Это пригород, девочка. *Задворки*. Здесь свили гнездо преступники, ярмарочные зазывалы, шайки фальшивомонетчиков, весь бессовестный сброд. Меркатор находится в стороне от туристических маршрутов. Сюда приходят, если не могут проникнуть в город по официальным каналам. Если тебе надо обменять,

купить, продать, арендовать, протащить или сплавить что-то такое, с чем лучше бы не иметь дела. Это подполье. Поэтому и говорят, что Меркатор – под Вестерли. По-латыни – *sub urb.* Под городом. Латынь – превосходный язык для всяких пакостей, вот почему все правительства его так любят. Это Синий Рынок, то место, куда ты приходишь, когда весь остальной мир говорит тебе «нет»!

Сентябрь посмотрела поверх мощенного книгами настила в туманную сумеречную даль города. По улицам двигался народ, но лиц в сумерках было не разглядеть.

– Тогда, наверное, тебе стоит указать мне дорогу на Вестерли. Я... я встречалась однажды с Широтой и Долготой. Они должны меня вспомнить. Я уже знаю все кусочки головоломки, которые нужны, чтобы попасть из одного мира в другой. Мне кажется, я смогу уговорить их снова пропустить меня официальным путем. Зачем мне пытаться прошмыгнуть через заднюю дверь, если можно вежливо представиться у главного входа?

Синий Ветер открыла и снова закрыла рот. В ее темных глазах плясали чертики от изумления. Она потрепала Сентябрь по голове.

– Ох, бродяжка моя зимняя, разве ты не знаешь, что происходит, когда правительство шатается? Или, как в нашем случае, с грохотом рушится вниз головой из-за одной капризной, болтающейся без дела туристки? Весь порядок летит в тартарары, а на смену ему приходят, не мытьем, так катаньем, контрабанда, взятки, подкуп, мошенничество, сделки под столом и это-можно-устроить-пока-никто-не-видит. Полный цветник средств и способов. Это так мило, что ты думаешь, будто Широта и Долгота все еще выглядят так, как несколько лет назад, во время твоего дебюта на здешних подмостках. Подозреваю, они вышли на пенсию и уехали в Парагвай. Теперь все только и скачут через границу или протискиваются в игольное ушко, не забывая подмазать дверь на обратном пути.

Сентябрь похолодела.

– Но правительство же на месте! Чарли Хрустикраб – король! Вот и на плакате так написано.

– О, Старина Краб изо всех сил старается удержать все это дело в своих клешнях. Чтобы все было Благородно и Величественно, говорит он, Как в Пржнее Время. Но, – Синий Ветер раскинула руки и пожала плечами, – какое дело бандитам до хобби короля? Так что, если ты закончила, мне тут надо срочно кое-что продать, а ты мне стала совсем не интересна.

– Продать? Ты имеешь в виду автомобиль мистера Альберта? Но ты не можешь просто взять да и продать его! Он же не твой!

– А ты, полагаю, считаешь его своим? Или он принадлежит мистеру Альберту, который небось еще невыносимей, чем ты?

– Ясное дело, это машина мистера Альберта.

– Давай-ка без ясноделанья, черничная негодяйка! Ты трижды неправ! – Синий ветер начала разгибать пальцы один за другим. – Она не *твоя*, не *мистера Альберта* и не *моя*. – Она подняла палец. – Это *Инструмент*, а У Инструментов Есть Права. Я разделю выручку с этим, как его – автомобилем? вот ведь дрянное имечко! – поровну и по справедливости, так что мы с ним посидим хорошенько да сообразим на двоих, какой покупатель больше по нраву этому зверю.

Сентябрь взорвалась:

– Ты не можешь посидеть с автомобилем! Это не волшебный автомобиль со своей историей, печалью и сахарной присыпкой сверху – это просто *машина*. Из моего мира. Она даже работает кое-как. Говорить она не может, деньги тратить не умеет, и прав у нее определенно нет никаких!

Синий Ветер присвистнула. Она встала и растопырила ладони в атласных перчатках, стряхивая с них все, что зовется Сентябрь.

– Что ж, я уверена, что ты права, а я нет, и нет на свете ничего такого, о чем бы ты хоть чего-нибудь да не знала.

Тупик на ее плече неодобрительно покачал головой, глядя на Сентябрь. Синий Ветер резко повернулась и зашагала по мощенной книжными переплетами дорожке в глубь Меркатора. Альый свет небес сверкнул искоркой, отразившись в серебряной нити ее жакета.

– Ничего подобного! – отрезала Сентябрь, топая вслед за ней. – Я иду с тобой, и если кто-то и купит этот автомобиль, это буду я. А после ты мне покажешь дорогу в Волшебную Страну, как и положено Ветру... – Сентябрь спохватилась. Такой аргумент как раз этому Ветру нисколько не понравится. Ей дела нет, что положено делать Ветру. Если бы она всегда делала, что ей положено, она бы не лишилась своего Барса. Но как же ей, Сентябрь, попасть в Волшебную Страну без помощи этого Ветра? Других-то поблизости не видно – или Синий Ветер, или никто. Сентябрь глубоко вздохнула. «Ты можешь нажать куда больше неприятностей, принимая всерьез тех, кого встретишь», – что ж, проверим.

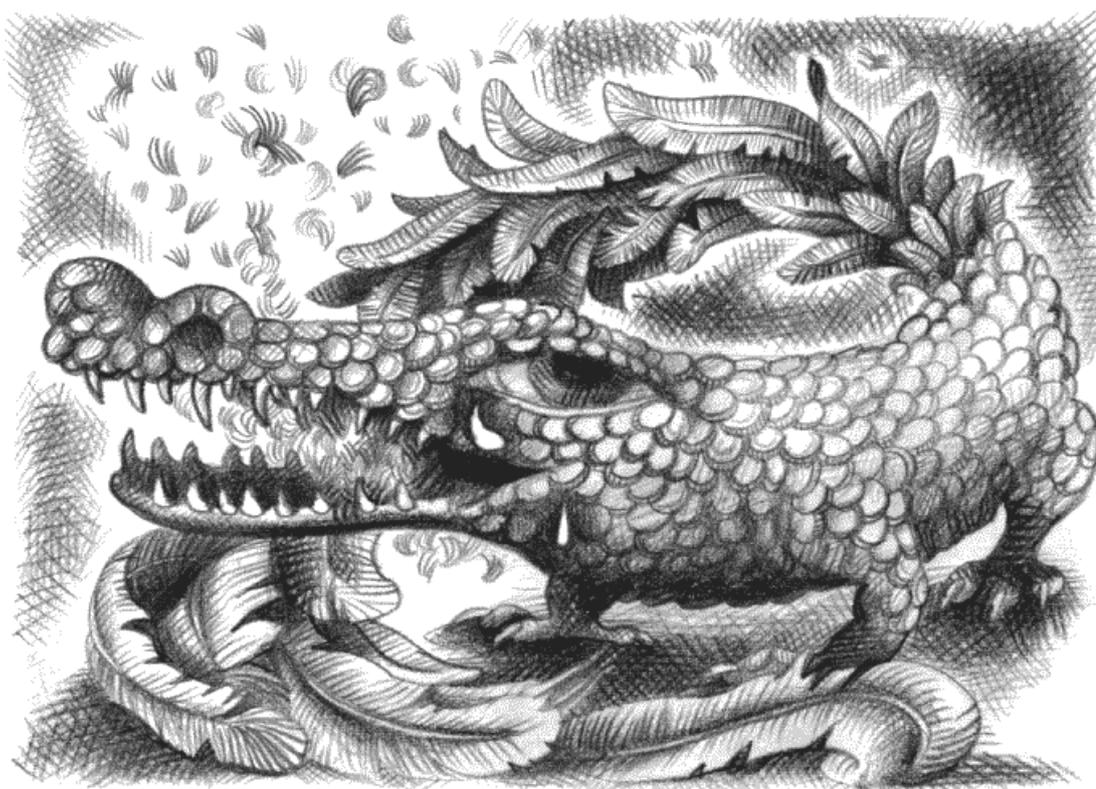
– Ты покажешь мне дорогу в Волшебную Страну, – поправила она, – потому что, если я избалована и совсем тебе не нравлюсь, то очень велики шансы, что я нагоню ужас на здешних жителей, все переверну вверх дном и учиню кавардак, потому что я – *личность*, а личность – это проблемы, а проблемы там, где я. – Сентябрь выпрямилась и ухмыльнулась, хотя ей ничуть не хотелось ухмыляться. Все Ветры – жулики, вот и ей пришлось сжульничать.

Синий Ветер ничего не ответила. Она даже не остановилась. Ее синие кожаные ботинки мягко шуршали по настилу. Однако через секунду она протянула свою длинную бирюзовую руку.

Сентябрь приняла ее.

Глава IV

Профессиональный Революционер в которой Сентябрь наставляють на путь и высоко ценят, она встречает Крокодила с хорошими связями, знакомится с толикой Фискальной Магии и становится Официальным Преступником Королевства

Солнце в Меркаторе зашло.

Но мало что изменилось. Небо стало лимонно-лавандовым, а между сплетенных в косичку облаков высыпали – близко, рукой подать – странные и незнакомые пурпурные звезды. Сентябрь даже различала трепет язычков пламени в их короне. Она подумала, что, если эти звезды так близко, от них должно быть жарко, как от солнца, однако весь городок будто съежился от ночной прохлады, поднял воротник пальто, прячась от постоянного ветра. Вдоль улиц тянулись хорошенькие домики с печатями в форме компасов на бумажных дверях – но огня в домах не зажигали. Мощная дорожка вела прямо в центр, к большой площади, настолько же многолюдной и шумной, насколько пусты были дома.

Площадь представляла собой огромную карту, вычерченную разноцветными чернилами: киноварь, бирюза, лазурь, лимон, жирный черный шрифт, который отчетливо светился в сумерках. Тысячи стран теснились на карте, и по всем ним ступал, прыгал, приплясывал, падал и топтался самый разный народ. Сентябрь могла бы часами ползать по этой карте, следуя каждой линии и каждой надписи в поисках Волшебной Страны, дорогого ее сердцу

острова, который она однажды обошла вокруг под парусом. Интересно было бы на этой карте поискать собственный дом. Но такая возможность ей не представилась. Повсюду толкался народ в длинных толстых пальто с бриллиантовыми пуговицами и глубокими карманами. Кто-то носил шапку, кто-то – шлем, одни повязали головы шарфами, другие шеголяли в кепочках, но никто не ходил с непокрытой головой. Сентябрь потрогала свои темные волосы и внезапно ощутила себя незащищенной среди этих занавешенных и затуманенных лиц. Еще она не могла не заметить множество лиц такого же синего цвета, что и у Синего Ветра. То тут, то там прорывались звуки музыки, хотя никаких музыкальных инструментов Сентябрь не видела. Мелодия появлялась как бы случайно, сама по себе, будто она выросла, как растут грибы в лесу, будто песни, баллады и симфонии аккуратно рассадили красивыми рядками и поливают каждое утро чистой водой. Барабаны бум-бумкали, рожки поквакивали, флейты-пикколо выводили трели, гармошки-концертино сдували и раздували меха. Никакого порядка в этом не было, разве иногда и совершенно случайно инструменты попадали в лад.

– Приятная музыка для фона, даже если невозможно подпевать, – заметила Сентябрь. Ветер кивнула синей головой. Овчина на ее фуражке блестела оттаявшим снегом.

– В музыке больше правил, чем в математике или магии, и она вдвое опаснее, чем каждая из них или они все, вместе взятые. Здесь много чего можно купить и обменять, выпросить и выторговать, но к музыкальным инструментам даже не подходи, у меня нет времени отскрести тебя от Прилавка.

Посреди всего и вся, там, где цвета карты сгущались и темнели, растопырилась огромная старинная касса размером с римский фонтан. Такие старомодные кассы с рукояткой на боку Сентябрь видела только в книжках. Она вся сверкала деревянными цилиндрами и бронзовыми клавишами, надраенными до блеска, как канделябры. На стеклянном окошечке кассы – ни пылинки, ни отпечатка. Надпись ПРОДАЖ НЕТ, выведенную белоснежными с завитушками буквами на черном стекле, можно было увидеть издали, за много миль. На ящике для денег развалился длинный крокодил с кожей медного оттенка.

Приблизившись, Сентябрь увидела, что его кожа состоит не из чешуек, а из медных монеток – новых блестящих и старых позеленевших. Хвост крокодила, обернувшись вокруг него самого, каскадами спускался с кассы вниз – совсем не крокодилий хвост, а темно-изумрудный веер, как у петуха. Только вместо перьев – купюры насыщенного изумрудного цвета, сложенные настолько искусно, что они переливались и топорщились совсем как перья, обнаруживая свое достоинство только при легком ветерке. Крокодил наблюдал за суетой внизу, поблескивая серебряными глазками из десятицентовых монет. Внутри глаза горели бледным пламенем, снаружи были прикрыты очками в золотой оправе.

– Ну, вот и прибыли, – сказала Синий Ветер, подталкивая Сентябрь поближе к кассе. – Видела указатели? Я тебя и доставила целой и невредимой на Путевую Станцию. Ты должна поблагодарить меня, угостить ужином и не забыть отметить, как эффектно я выгляжу в этих туфлях. Только погляди на этого Крока! Страшен, как грозовой фронт, правда? Тебе следует сказать: *«Как прекрасно! Как величественно! Старый негодник Зеленый Ветер просто швырнул меня в океан, но ты, ты его уделала одной левой»*.

– Как прекрасно. Как величественно, – ответила Сентябрь с презрительной усмешкой. Раньше она никогда не пробовала презрительно усмехаться. Оказалось, что это довольно приятно.

– Ну что за отъявленная вредина, лишь бы все испортить, – фыркнула Синий Ветер. – Хоть бы попыталась быть со мной любезной. Я же в первый раз протащила человека контрабандой. Будешь мне веселье отравлять, я больше пальцем не пошевелю. Я ведь даже не заставляла тебя разгадывать головоломки или стоять в очереди! – Синий Ветер скрестила руки на груди и сплюнула, подняв вихрь снега и ледышек на площади, высланной картой.

Но Сентябрь ее не слушала. Она заприметила модель А, окруженную личностями в длиннополых пальто, которые то прикладывали ухо к ее капоту, то сигналили клаксоном, то посасывали воздух из ее шин.

– Они же окончательно сдуют шины, если будут продолжать в таком духе! Я вернусь к крокодилу через минутку...

– Ничего подобного! – выкрикнул крокодил гулким как из бочки голосом, хлестнув перьями по надписи ПРОДАЖ НЕТ. – Немедленно представься, или я устрою тебе полный досмотр, ты не успеешь и моргнуть этими большими, круглыми, ох-какими-человеческими глазками.

На этот раз Синий Ветер толкнула ее гораздо сильнее, и Сентябрь, споткнувшись, приблизилась к латунным пластинкам пониже прилавка.

– Так вот, – начал медный крокодил. Когда он говорил, кусочки зеленых перьев вылетали из его рта, как знаки пунктуации. – Я – Калькулятрикс, Агент Его Величества, Верховный Казначей, Старший Зверь Отдела Имперских Путей и Сокровищ. Это совсем новый отдел, а значит, очень модный. Стоит мне сверкнуть перьями, и передо мной открываются самые модные дансинги. Сейчас я буду проводить с тобой Дознание. А ты у нас кто?

– Сентябрь. – Она крепче прижала банку с монетами к груди.

– Немного ж у тебя титулов, – нахмурился Калькулятрикс. – Держу пари, тебя на вечеринки совсем не приглашают.

Сентябрь прикусила губу.

– Это правда, – признала она чуть более застенчиво, чем собиралась. – Но я одно время была Рыцарем, а потом – Епископом.

Калькулятрикс энергично склонился к ней, звеня монетками чешуи о прилавок.

– Ну, ну! Давайте не будем углубляться в то, что с нами было в зеленой, как салат, молодости, когда к обеду жизни уже подали горячий суп. Я прозреваю в тебе трагические глубины, юная леди! Ни вечеринок, ни банкетов, ни даже сатурналий, готов поспорить. А я, пахучий и кипучий, отплясывал во всех бальных залах, где собиралась хотя бы парочка флейтистов. Еще до того как я достиг своего нынешнего положения, на мое семейство был высокий спрос – да-да, мы всегда были в дефиците. Мы все Нумизматы с огромными возможностями – Маги Находок, Коллекционеры Монет и Банкнот, Колдуны Воображаемого. Всю свою коллекцию я храню на себе, тут она цела, невредима и в постоянной экспозиции. Банк – это всего лишь колледж Фискальной Магии, и никто не хочет быть кроликом при первом исполнении фокуса с исчезновением. Мы – другое дело. На каждом из нас Облачение Капиталовложения и Одевание Благодеяния! Мы практически изобрели Гламур Фидуциариев. Я вижу, что ты энтузиастка, хотя и явная дилетантка. – Калькулятрикс кивнул на банку с монетами в руках Сентябрь. – Поэтому я чувствую расположение к тебе, хотя мы едва знакомы. Я великодушен по природе, но из скаредной породы. На твоё счастье, нынче я склонен прислушаться к своей природе.

– Мои сбережения вовсе не воображаемые, – сказала Сентябрь, крепче прижав к себе свое достояние.

– Все деньги воображаемые, – просто ответил Калькулятрикс. – Деньги – это магия, которую все согласились не признавать магией.

Сама посмотри! Ты обращаешься с ними как с магией, обладаешь ими как магией, опасаясь их как магию! Почему тот, у кого больше кругляшков из меди, серебра или золота, ведет легкую жизнь, полную удовольствий, спит сколько захочет, а все прочие ему кланяются? Ведь сами по себе эти кругляшки не могут пойти в бой, или приготовить такой прекрасный ужин, что становишься сыт, едва взглянув на него, или построить дом с тысячей фронтонов. Они все это могут только потому, что все согласились приписывать им такое могущество. А вот если бы все договорились придавать могущество не благородным метал-

лам, а скажем, ногтю большого пальца, или шляпкам грибов, или кровельной дранке, или первому поцелую, или слезам, или минутам, или перьям тупиков, эти маленькие кружочки валялись бы себе на дороге, и тускнели под дождем, и никого бы не заставляли ходить с опущенной головой или с задраным носом. В данный момент, как бы мне ни нравилась твоя коллекция, эти монеты – не ценность, а просто мусор.

Сентябрь открыла рот, собираясь возразить. Она столько часов потратила, чтобы их заработать! Нет уж, они определенно не мусор! У нее в банке ровно семнадцать долларов и тридцать семь центов, и каждый из них такой же настоящий, как жеребая кобыла, у которой болит живот! Но Калькулятрикс поднял вверх медный коготь и терпеливо продолжал:

– Так вот, моя платежеспособная петуния, они не настоящие, потому что никто здесь их не принял бы. Для посетителей Синего Рынка они не обладают никакой ценностью. Что бы они с ними стали делать? – Он потряс головой из стороны в сторону так, что она запела и зазвенела. – Без магии они не больше, чем чешуйки крокодила. Никто здесь не собирался менять свое добро на медяки с отчеканенным на них человеческим профилем. Но я могу провести над ними когтем, произнести пару слов – и *сделать* их монетами, потому что я Казначей, иными словами, Волшебник. Я могу превратить твой мусор в богатство, просто объявив, *что эта монетка стоит столько-то, а та столько-то*. Монеты от этого не меняются, они остаются монетами. Но внезапно они обретают могущество. И если ты, дорогая, можешь изменить что-то, просто сказав слово, – это магия. Или я могу взять их и отдать тебе взамен несколько Крабов, которые совсем недавно стали *очень* новой, а значит, *очень* модной валютой в Волшебной Стране, – но тогда мы тем более во власти колдовства, потому что откуда тебе знать, правильно ли я посчитал. Когда вещь становится собою просто потому, что некая личность в блестящих одеждах с уверенностью назвала ее именно так, это тоже магия. Если хочешь возразить – это будет дуэль волшебников! Правда, очень нелепая, потому что я – Калькулятрикс, а ты – нет.

Сентябрь внимательно обдумала ответ.

– Может, это и справедливо для волшебных денег, – допустила она. – Но человеческие деньги – это просто деньги. Это довольно серьезная вещь. И даже если бы это было не так, не имеет *значения*, воображаемые они или нет, если все согласилось, что они обладают властью. Если мы не сможем платить банку каждый месяц, мы потеряем нашу ферму, и не думаю, что им понравится, если моя мама предложит им сразиться на дуэли.

Калькулятрикс ухмыльнулся, обнажив зубы.

– Воображаемые не значит ненастоящие. – Он расправил зеленые перья хвоста и возложил одну из своих огромных лап, закованных в чешую из мелких монет, на ручку кассового аппарата. – Разве ваши человеческие деньги не приводят к появлению предметов по вашей прихоти? Разве они не меняют личность человека, например, превращают испуганного ребенка в лохмотьях в заносчивого промышленника в костюме? Разве они не лечат больных? Докторам же платят. Разве не могут они поражать врагов по твоей команде? Или удерживать одних людей на окраине города, а других – высоко на холме, охраняя их так же надежно, как колючий кустарник оплетает замок? Затеплить уголь в холодном очаге, перенести тебя в тропическую страну, если ты так замерзла, что не перенесешь очередного снегопада? Ну, поведай же мне, какие еще чудеса должны творить человеческие деньги, чтобы заслужить то же благоговение, которое ты испытываешь при виде любой побрякушки из Волшебной Страны? – Калькулятрикс рассмеялся так, что монеты на его горле снова зазвенели. – И не спешика ты на Фондовую Биржу, детка! Там скопилось столько колдовства, что им аж потрескивает лента с биржевыми котировками, и, если достаточное количество биржевиков поверит, что у некоторой Компании есть куча денег, – ба! она тут же начинает купаться в море наколдованных наличных. А если те же самые люди решат уверовать во что-то другое, эти Дьявольские Динары моментально исчезнут при первом же заклинании.

Все это золото просто – *престо!* – превращается в веточки, семена и сосновые шишки. Что, скажешь, Калькулятрикс лжет?

Сентябрь моргнула. Если протереть глаза, все это похоже на правду. Не так ли все и было незадолго до того, как Сентябрь появилась на свет? Разве муж тети Маргарет, тот самый несчастный Дядя, о котором так редко говорили в семье, не превратился за одну ночь из видного мужчины в пальто с меховым воротником в нищего, у которого осталась только пыльная ферма да груда внезапно бесполезных бумажек.

Медный крокодил коротко кивнул, убедившись в том, что оказался прав.

– Впрочем, довольно этих бесплатных уроков по моей редкой специальности. Как умно с твоей стороны получить что-то за так – а я почти и не заметил. Ну-с, приступим. – Он подался вперед и короткими ручками ухватился за аппарат, раскинув хвостовое оперение по всему прилавку. – В прежние времена мы были страшно отсталыми, клали на одну чашу весов твою душу, а на другую – перышко, ну и все прочее в таком роде. А теперь у нас есть Методология. Теперь у нас есть Инструменты. Это все так занимательно. Начинаем! Да! Первое Вопросание! – Надувшись от усилия, Калькулятрикс перевел ручку кассы в исходное положение. – Профессия?

Сентябрь поникла плечами.

– Я... Пока никакой.

Медный крокодил моргнул серебряными глазами.

– Прости, – сказал он, – но это просто нелепо. Как ты можешь обрести Путь, если у тебя нет профессии? И как мы можем записать тебя в наших книгах, если у тебя нет Пути? Ты же *где-то* работаешь?

– Я учусь в школе, – объяснила Сентябрь. – и время от времени выполняю случайную работу для тех, кому нужно.

– Всякая работа кому-то да нужна, – осклабился Калькулятрикс, – иначе никакой работы и не было бы, а были бы только игры, да пикники, да здоровый сон. Но не будем терять времени. Что ты больше всего любишь делать?

Сентябрь не потребовалось ни секунды на обдумывание этого вопроса.

– Путешествовать. В Волшебную Страну, ну и обратно, хотя это совсем не так весело.

Синий Ветер язвительно фыркнула. Она и ее тупик уже успели задремать, припав головами друг к другу, но скрип ручки кассы их разбудил.

– Это не дело, а место, куда ты отправляешься, чтобы натворить там дел.

Калькулятрикс проигнорировал ее замечание и все так же терпеливо продолжал:

– И чем же ты занимаешься, когда попадаешь в Волшебную Страну?

Сентябрь заговорила очень быстро в надежде, что успеет рассказать правду до того, как это истолкуют против нее.

– В первый раз я подружилась с Виверном, маридом и стодвенадцатилетним Фонариком, и добыла из ларца в Чесаном Лесу магический Гаечный Ключ, и обошла на корабле вокруг всей Волшебной Страны, чтобы победить Маркизу.

Калькулятрикс дернул медной бровью.

– Так ты революционерка!

– Нет!

– Но ты уже призналась, что водишь знакомство с известными смутьянами и мятежниками, и нынешняя твоя компания тоже весьма сомнительна. Вот у меня, например, в друзьях Маги, Балерины, Василиски и сам Король! Что это сравнение говорит о нас с тобой? Ну ладно, а что было во второй раз?

– Я отправилась в подземелье Волшебной Страны, поскольку моя тень стала там Королевой, и собиралась застрелить ее из Заклепочника, но не стала этого делать! Она, наверное, все еще там Королева...

– То есть это было всего лишь покушение на убийство, – сказал Калькулятрикс, в растерянности позабыв, что делать с ручкой кассы.

Синий Ветер захохотала так громко, что тупик в ужасе улетел с ее плеча.

– Не забудь упомянуть, что ты украла тот Гаечный Ключ и застрелила Минотавру, а бедного марида, которого ты так любишь, до полусмерти измордовала, чтоб убрать со своего пути. – От задыхнулась от смеха, сложившись пополам. Снежинки скатывались с ее глаз как слезы. – А вот еще! – выкрикнула она между приступами веселья. – Контрабанда! Она же, в довершение всего, контрабандист! – Синий Ветер схватила за деревянную ручку молоток, что висел у Сентябрь на поясе для инструментов, и тут же выхватила из ее карманов гвозди, единственную оставшуюся ириску и книжку – ловко, как настоящий карманник. Она потрясла жестянку с гремящими внутри гвоздями. – Если это не железо, тогда я – слон. Опасное оружие! Станет ли невинная девушка таскаться с железом в карманах? Да она бандит, Ваше Превосходительство, ничего хорошего, от нее не жди, только плохое. Подтверждаю: я с первого взгляда распознала в ней избалованного ребенка. Не верите мне – позовите френолога! Рядом с водочкой как раз одного выставили на продажу. У нее же череп правонарушителя, только взгляните! Вот, на левом виске! Это признак мятежа, ясный как печать. Да и в целом на лице написана склонность к бунту. И ничего она с этим не может поделать, бедный оборвыш! Как бы она ни старалась вести себя прилично – что у нее, на мой взгляд, плохо выходит, – стоит ей открыть рот, как оттуда кувырком вылетает хаос и похозяйски располагается прямо у вашего дома.

Калькулятрикс раздраженно потряс хвостовыми перьями. Мелкие монетки вдоль его хребта ошетинились, как на загривке бойцовой собаки. Когда он снова заговорил, голос его все еще оставался доброжелательным:

– Ну что ж, дело ясное. Ты у нас пойдешь как Преступник. Эта отрасль прекрасно развивается, кстати. Работу найдешь где угодно.

Сентябрь вывернулась из рук Синего Ветра, которая ощупывала новые доказательства дьявольской сущности девочки у нее на лбу.

– Но я не преступник! Я понимаю, что произвожу такое впечатление, но у меня были веские причины! Что я еще могла сделать? Маркиза была ужасно жестокой, а моя тень высосала бы всю магию из Волшебной Страны. Что касается вранья, то это Зеленый Ветер велел мне лгать!

Синий Ветер фамильярно похлопала ее по плечу.

– О, у нас всех есть веские причины. Потому-то преступать закон так сладко.

– Но я не преступник, – упорствовала Сентябрь, отстраняясь. – Не преступник, сколько меня им ни называй.

– Ну, конечно, ты не преступник, – усмехнулся Калькулятрикс. – Пока еще. У тебя же нет лицензии на совершение преступлений! Хороши бы мы были, если бы позволяли всякому нарушать и не соблюдать.

– Извините, – прервала его Сентябрь, разгневанная тем, что ее обсуждают, как на допросе, – но это выглядит ужасно официально! Я думала, что теперь, когда нет Маркизы с ее правилами, все по-другому! Я думала, что это будет подпольный рынок с темными закоулками и все такое! Кое-то мне об этом даже говорил. – Она выразительно посмотрела на Синий Ветер, которая выглядела довольной собой.

Калькулятрикс почесал длинную медную морду.

– Обязательно должна быть какая-то официальная дребедень, иначе как ты узнаешь неофициальную, когда с ней встретишься? Как ты распознаешь подлых тихушников, когда наткнешься на них в упомянутых темных закоулках? Какая радость нарушать правила, если их вовсе нет? Что же касается особо хитроумных правил и их нарушения, скажу тебе, детка, что эльф у власти – это то, что нужно. Сотни лет никто из этих пустозвонов не сиживал

на троне. Мы все и забыли, в какие игры они так любят играть. Король Хрустикраб хочет все исправить, заставить все работать правильно, как следует, так, как это было в Старые Дни, когда он был еще мальчиком. А это значит – снова танцевать имперские танцы, если вы понимаете о чем я. А приличную Империю без Стандартов не построишь, вот почему меня поставили здесь, на границе Волшебной Страны и Всего Остального – чтобы поддерживать Стандарты. Разумеется, я веду речь не о модной кухне или местном театре. Король Хрустикраб лично навестил меня, постучавшись в обитую банкнотами дверь Нумизматариума. Я раскатал для него ковер из лягушачьей кожи, все по высшему разряду – кружка мяты, сэндвич с дублонами, чуть-чуть сдобренный маслом, и ключ от моего Управляющего Болота. Мы с Королем вместе совершили моцион по дну топи, где, к моему счастью, нашелся свежий торф. Как только мы расположились в болотной грязи, тут он мне все и выложил. «Трёшник, – сказал он мне, употребив мое личное имя, и я буду благодарен вам за то, что вы не будете его использовать, пока мы не узнаем друг друга получше. – Трёшник, – сказал он, – если мне суждено заняться Империей, я не стану ограничиваться половиной работы. Меня учили, что, если честный малый берется за дело, он должен начинать с основ, с классических приемов. Настоящей Империи нужны границы и валюта, а также благородные подданные и подлые подданные, – сказал Краб, – а правильная Империя, лучший и самый завидный образец Империи, должна иметь своих Преступников. Империю не устроишь как надо, если не будет целой толпы тех, кому она ни чуточки не нравится. Это все хорошо и правильно – создать рыночную экономику и чисто декоративный Парламент, но если нет никого, кто сопротивляется, кто хочет все разрушить, устраивая всяческие козни, значит, работа сделана спустя рукава. Фокус в том, что эту работу нельзя доверить вольнонаемным. Тем, кто сами ищут приключений, потому что им это нравится, – вот эти по-настоящему опасны. Нам требуются Официальные Преступники, Профессиональные Революционеры, Аккредитованные Мерзавцы! Так мы всегда будем знать, где побросали свои игрушки, если ты ухватываешь суть». – И я зубами ухватил суть королевских слов. Он начал выдавать лицензии и предписания, нарядные бумаги с печатями, в которых говорилось, что народ должен пойти по кривой дорожке во имя Короны. У меня их целая пачка, могу вписать твое имя. О! А ты бы могла дать мне взятку! Это был бы чудесный способ войти в дело, как ты думаешь?

– Но я не хочу быть преступником, – настаивала Сентябрь. Ей не верилось, что ее знакомый Чарли Хрустикраб, ворчливый паромщик, который давным-давно перевез ее через реку Барлибрум в столицу, мог придумать весь этот вздор. Даже если он и сделал все то, о чем говорила Синий Ветер, все равно это не значит, что это не вздор. – И уж точно не хочу это делать профессией, – добавила она тише.

Калькулятрикс начал раздраженно постукивать задней лапой.

– Тогда каковы твои намерения относительно Волшебной Страны? Я все равно должен был задать этот вопрос, только позже. Приходится менять порядок вопросов – видишь, ты уже нарушаешь правила.

Сентябрь на минутку задумалась. Никаких намерений у нее не было. Кроме одного: попасть туда и быть там. Этим было заполнено ее сердце, и голова, и все то время, пока она не спала.

– Наверное, отыскать старых друзей, вот и все. Я скучала по ним, мы так долго не виделись.

Синий Ветер резко повернула к ней голову.

– Постой-ка, ты же мне говорила, что собираешься учинить кавардак! Ты не можешь отказаться от своих слов! Я за тебя поручилась! Я ему сказала, что ты стопроцентный нарушитель.

– Она чистосердечно признала, что собиралась искать своих никудышных товарищей, так что чему с ней быть, того не миновать. – Медный крокодил ухмыльнулся и запрыгнул

на кассу быстрее, чем падает пенни. Он приземлился на клавишу ПОДСТРЕКАТЕЛЬ. Ручка кассы крутнулась, выбив «дзынь» и «бряк» из кассового аппарата. Он снова прыгнул, распутив изумрудный хвост, и приземлился на клавишу СГОВОР с ЖУЛИКАМИ. Дзынь-бряк. Наконец он переместился на клавишу ЛГУНЬЯ.

– Встань на весы, пожалуйста! – приказал Калькулятрикс.

От чудовищной несправедливости всех этих слов Сентябрь только прикусила язык и покорно встала на медную пластину весов. Черные квадратики в окошечке кассы начали перещелкиваться. Клавиши кассы поднимались и опускались, как лошадки на карусели. Сентябрь начала было говорить, что она хорошая девочка и если им надо ее как-то называть, то, может быть, подойдет Рыцарь, или Епископ, или еще какое-нибудь из ее прежних имен? Но Калькулятрикс уже отбил на кассе мелодию, которая означала «продано».

– Вы признаны Казначейством как Злодей-По-Контракту со всеми правами, привилегиями и положенной вам стильной униформой. Пожалуйста, возьмите квитанцию.

Ящик кассы открылся с громким перезвоном. Сентябрь пришлось встать на цыпочки, чтобы заглянуть в него. Внутри оказался длинный свиток, на котором малой вязью было выведено ее имя, а крупной – «Чарльз Хрустикраб». Ниже несколько слов светились алым, точно приговор:

*Королевский Злоумышленник
Профессиональный Революционер
Государственный Преступник*

На полях грамоты в сиянии золотых и серебряных чернил плясало изрядное количество раскрашенных ворон, крыс, волков и енотов. Под ее грамотой лежал костюм из черного шелка – рубашка, шарф и башмаки, не ведавшие скрипа, все самое лучшее, чего только может пожелать Преступник.

Глава V

И тогда Вилы сказали «нет» в которой Сентябрь официально знакомится со своей машиной, узнает о странных делах в королевстве Гигантов, выслушивает два «нет» и одно «да», а также лекцию о кормлении Инструментов и уходе за ними

– Не желаете приобрести Путь, мисс? – прошипел вкрадчивый голос.

Сентябрь разгладила руками свой новый криминальный наряд – определенно из самой богатой и тонкой ткани, к которой она когда-либо прикасалась. Даже Бдительное Платье не облегалo ее так, будто на ней вообще ничего нет. При этом новая одежда совсем не была тесной. Шелк спадал свободно, ловко и щегольски, словно сами швы обещали оберегать ее, во что бы она ни ввязалась. Хотя вокруг потрескивал морозец, ей было легко и тепло. Она не хотела это надевать. Не хотела выделяться. Не хотела, чтобы кто-то решал, как ей называться. Но они все сделали по-своему. Они были у себя дома. *Если ты, дорогая, можешь изменить что-то, просто сказав слово, – это магия.* А как приятно этот наряд ласкал ее кожу, хотя она бы ни за что в этом не призналась. Сентябрь натянула на голову последний предмет экипировки – черную кепку с ушами и длинными лентами, которые можно было завязать под подбородком. Она завязывать не стала.

– У меня тут на любой вкус, подходи, посмотри, – обхаживал ее голос. Дыхание коснулось ее уха, даже прикрытого Криминальной Кепкой.

За спиной стоял один из синелицых в длиннополом пальто. Волосы его были такой же чистой синевы, что и у Синего Ветра, но убраны под полицейскую фуражку. Замерзшие жесткие брови торчали шипами. Когда он говорил, щеки его раздувались, как у херувима. Дико и хитро сверкая глазами, человек исподтишка распахнул полы пальто. Огнями переливались длинные барвинковые брюки с бирюзовыми заплатами и васильковые туфли с загнутыми носами, как у шута. Однако то, что он прятал под пальто, блестело еще ярче. Сентябрь ахнула. Подкладка его толстого пальто была увешана планетами – маленькими шариками в клубах облаков, с волнующимися морями, самоцветами континентов – рубинами и топазами, с прохладными серебряными лунами и раскаленными пурпурными солнцами. Свет струился из глубин пальто, омывая ее всеми цветами радуги. Сентябрь не могла отвести глаза. Но ей пришлось их отвести, пришлось – скрипы и стоны модели А под напором потенциальных покупателей не дали ей сполна насладиться планетами. Бормоча под нос неискренние извинения, она поплелась прочь от сияния планет.

– Возвращайтесь, Мисс! Если вы утратили свой Путь, лучших Путей, чем у меня, вы не найдете. Или же, если вы захотите перескочить на параллельные рельсы и завладеть чьим-нибудь еще путем... – продолжал он зазывать еще более вкрадчиво из-за спины, и чем мягче становился его голос, тем яснее Сентябрь его слышала. Она надвинула кепи на уши.

Длиннополые, что толпились вокруг машины мистера Альберта, тоже оказались синелицыми, с торчащими волосами и пальцами, покрытыми разводами инея. Мужчины и женщины, многие совсем не синие, клубились вокруг колченогих прилавков, покупая по случаю всякое разное и подозрительное. Никто из них не мог протиснуться сквозь толпу, чтобы поглазеть на автомобиль. Сентябрь разглядела коричневые лица, некоторые с розовыми щеками, и одного ярко-золотистого парня с прической в форме солнечных лучей. Синелицые свое дело знали и позиций в толчее не сдавали. Золотоволосый парень вынырнул из толпы на зов молодой девушки с сине-зелеными хвостиками и лотком, как у продавцов сигарет, полным всяких привлекательностей. Толпа сомкнулась за ним. Когда синелицые дышали на машину, краска с ее боков еще больше облуплялась. Когда они терлись о водительскую дверь, металл жалобно поскрипывал.

– Они так похожи на тебя, – сказала Сентябрь, с заметным неодобрением. Одного Синего Ветра ей было более чем достаточно.

Синий Ветер закатила глаза.

– Я же говорила тебе, что это Синий Рынок. Здесь все Ветры. Ты должна была их видеть, когда Зелененький швырнул тебя в этот мир, как бейсбольный мяч. Или он был слишком занят, сочиняя стишки и прозвища? Мир слишком велик для одного Ветра или даже для шести – их легионы. Одна большая, ужасная, ненадежная, припадочная семья. Синие, ну, он должен был тебе рассказать. Мы – это те нелюбимые родственники, которых не приглашают за праздничный стол. Проныры и пройдохи. Чокнутые и отчаянные. Резкие, ледяные, бешеные штормы. Вспомни самый холодный день в твоей жизни, когда сосульки свисают с крыши, как кривые зубы. Шагнешь за порог – и задыхаешься от ветра. Это я, это мы, это наша природа и наша порода. Себя не переделаешь! Здесь мы развлекаемся и торгуем, сюда попадает все, что мы украдем. Только здесь мы можем жульничать честно и благородно. По-другому не интересно – слишком легко. Вы считаете, что сделка удалась, если получили что хотели по справедливой цене. А для нас это проигрыш. Куда лучше получить то, что хочет кто-то другой, и запудрить ему мозги, чтоб он еще и приплатил тебе за то, что ты это забереешь. Это игра, спорт, состязание, и все медали – с синими ленточками. Ты не сможешь с нами тягаться.

– Торговаться я как раз умею. Я Гоблиншу обставила на ее собственном рынке. – Сентябрь с гордостью скрестила руки на груди.

Синий Ветер посмотрела на нее с жалостью.

– Во-первых, облапошить Гоблиншу может даже легчайший из Ветерков, причем сквозь сон. Во-вторых, я тебе не верю. Никакие уловки и надувательства не свалятся тебе просто так на голову, пока не созреют и не нальются спелостью. А впрочем, давай! Купи свою машинку. Это тебе недешево встанет. Текущая ставка – два урагана, один северо-западный и грозовой шквал.

– У меня ничего из этого нет!

– Какой же интерес, если бы было?

Синие Ветры начали торговаться, перекрикиваясь через модель А, а Сентябрь беспомощно на это взирала. Она слышала, как на кон швыряли циклоны и даже ледяной шторм. *«Купить ее я не могу, – лихорадочно соображала она, – стащить тоже, пока они стоят вокруг нее стеной. Ни за что не отдадут...»*

Тут Сентябрь любезно улыбнулась. Легко быть любезным, когда ты кое-что придумал.

– Увы, ты не можешь продавать это кому попало. Это Инструмент, а у Инструментов Есть Права. Что бы это ни значило.

Синий Ветер скривилась.

– Для начала тебе стоит перестать говорить «это». У «этого» есть имя.

– А вот и нет! Я ее сто лет знаю, и если у нее и есть имя, то это «Форд» модель А – и точка. – Сентябрь надоело, что ей все время объясняют, как устроен автомобиль из человеческого мира. Может, она и не так много знает о Волшебной Стране, Линии, магии или даже деньгах, но про машины знает все.

Один из прочих Синих Ветров посмотрел на нее так, будто она только что сказала, что солнце зовут Робертом.

– Ее зовут Арустук, – сказал этот Ветер и ткнул длинным пальцем цвета индиго на кусок мешковины, укрывавший запасное колесо, и на товарный знак «Картофельной компании Арустук». – Ты что, читать не умеешь?

– Умею, конечно!

Синий Ветер сняла невидимую соринку с пушистой манжеты.

– Вы, люди, обращаетесь со своими Инструментами как попало. Так что с нашей стороны это не кража, а освобождение. Старина Краб говорит: «Береги Инструмент пуще сердца своего. Спрашивай у него дозволения, обращай с ним аккуратно, содержи в чистоте и с благодарностью оставляй в покое, когда закончишь».

– Это вообще не инструмент, это машина, – проворчала Сентябрь. – Она сошла с конвейера завода Форда с сотнями точно таких же, как она.

– Можно подумать, тебя не родили на свет в одном здании с сотнями точно таких же, как ты, – ответил коренастый коротышка из семейства Синих Ветров с бородой густой, как мороженое.

– Это совсем другое дело.

– Потому что ты слезливая, уродливая и бесполезная, а он – пламенный, блестящий и полезный?

Маленький Синий Ветер, еще совсем ребенок, с большими голубыми глазами в серебряную крапинку, сжалился над Сентябрью.

– Это все из-за Вил, – начал он тонким голоском. – Случилось это в Парфалии, где растут устричные деревья и текут ромовые реки, черные и глубокие, где Гиганты лепят свои города из гор. И вот у одного Гиганта проснулись Вилы, похожие на трезубец и размером с кедр.

– Им было сто лет? – спросила Сентябрь, вспомнив свою подружку Светлячка из породы цукумогами – замечательный праздничный Фонарик, который ожил в свой сотый день рождения.

– Да, но это не значит, что Вилы подскочили и сразу принялись болтать и разгуливать, рассуждая о состоянии современной литературы. Я имею в виду совсем другой тип пробуждения. Они не бросились на поиски своей удачи. Не пустились в деревенские пляски с Гигантами. Они даже не переместились на солнечную сторону амбара. Просто однажды Вилы отказались работать. Если Камышовая Кундри брала их в руки, чтобы воткнуть в стог сена, зубцы Вил просто гнулись и тупились. Как только их оставляли в покое, зубцы снова выпрямлялись. Кундри боролась с ними весь день до самого вечера, но без толку. Вилы отказывались работать вилами. Да, в Парфалии иногда творятся чудные дела. Однако к весне это перекинулось на ее щетку для волос, а для Гигантов щетка для волос – все равно что булава для Рыцаря. Однажды вечером эта щетка просто вобрала внутрь себя все щетинки и отказалась иметь дело с длинными спутанными волосами Кундри.

– Я бы не сказала, что это очень похоже на пробуждение.

Но Синий Ветерок не дал ей закончить.

– Смысл в том, чтобы сказать: «Нет!» Это первый признак жизни, если что-то говорит «нет». Так ты понимаешь, что ребенок начинает становиться личностью. Они бегают вокруг со своими «нет», швыряя свою жизненность во все, что под руку подвернется, и смотрят, к чему она прилипнет. Ты не сможешь сказать «нет», если у тебя нет собственных желаний, мнений или потребностей, да и не захочешь. «Нет» – это начало мыслительного процесса. Новость распространилась быстрее пассата: в Парфалии Вилы сказали «нет!», в стране Гигантов Щетка сказала «нет!»! Услыхав эту весть, Старый Краб заперся в своей Мыслительной Кузне и просидел там много дней, пока не выковал новый указ. Когда он вышел, раскаленный указ еще светился красным, зажатый в королевских клещах. Указ гласил: «Инструменты Имеют Права», – и король приколотил его на стену Шума-и-Крика, как он называет наш новый Парламент. – Хитрая усмешка скользнула по его лазурным губам. – Что ни говори, а люди творят магию с помощью машин. Они – Инструменты, это так же верно, как то, что я – Синий. А закон гласит: если не можешь обращаться с ними честно и справедливо, то твой моральный долг отпустить их на все четыре стороны. Посмотри на эту несчастную вещь. Она не видела достойного обращения с тех пор, как сошла с конвейера. Наша кухня сделала доброе дело, освободив ее. Не волнуйся, кто-нибудь из нас займется ее образованием. Может ли Инструмент сказать что-то еще, кроме «нет», или это предел его понимания? Вот вопрос, который интересуется всю Волшебную Страну.

Внезапно Сентябрь почувствовала, как в ее сердце отдается каждый чих двигателя, каждая вспышка выхлопа, толчок каждой упрямой рукоятки, протестующий визг тормозов, каждая поломка и каждая протечка. Это и были те самые «нет», которые она даже не умела слышать? Нет, нет, что бы ни сказали Вилы, это – не Волшебная машина, никакой магии, она не живая, это просто второй автомобиль мистера Альберта и все. Тем не менее эти хрипы, рыки, чихи, скрипы и вздохи продолжали отдаваться в сердце.

– Если это правда, – сказала она, – то... э-э-э... Арустук знает, что я хорошо заботилась о ней все это время. Мы с мамой латали ее шины, подливали свежее масло, а когда казалось, что она собирается... умереть, мы снова приводили ее в чувство. Если вы ее спросите, я уверена, что она согласится со мной, а не с толпой разорвавшихся до синевы ребят, которые не отличат коробку передач от виноградины!

– Слишком поздно! – проревел рослый Ветер в пурпурно-черном головном уборе епископа. Синий Ветер, с которой прилетела Сентябрь, метнулась к нему и весело похлопала по спине. – Два урагана, один северо-западный, один грозовой шквал, ледяной шторм в Перте и циклон в Бруклине. Деньги на бочку, по рукам, дело сделано!

Рослый Ветер подпрыгнул, ловко перевернулся в воздухе и приземлился точно на водительское сиденье. Он в замешательстве посмотрел на рычаги и педали и начал тянуть и толкать их в безостановочном круженье синих рук под стоны металла. Похоже, Ветер думал, что это восхитительное занятие было прекрасным само по себе и стоило уплаченной цены. Сентябрь рукой скрыла улыбку, но тут же она поморщилась, услышав, как бедный двигатель жует сам себя от неправильного обращения. Наконец, наконец-то он нажал кнопку и повернул ключ зажигания!

Арустук, она же модель А, сказала «нет». Ну, в смысле, она хрипло закашлялась и не завелась.

Ветерок, который рассказывал про Вилы, метнулся, подскочил в воздухе, завис как колибри и принялся молотить рослый Ветер по ушам синими кулачками, пока тот не вывалился из автомобиля.

– Не можешь управиться, дай попытаться шквалу получше!

Маленький Ветер был не так груб с машиной; он был ловок и элегантен. Сентябрь только слегка передернуло от жалобного воя машины, когда он утопил рычаг дросселя на всю глубину вместо того, чтобы чуть-чуть притронуться к нему. Ветерок одарил толпу Ветров торжествующей небесно-голубой улыбкой и еще более лазурным воплем. Он повернул ключ.

Арустук, модель А, ответила «нет». Ну, или по крайней мере издала жалкий писк, который завершился вялым выхлопом дыма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.